

СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

ГОСПОЖА КЛИО

ВОСХОД

Сергей Дубянский

Госпожа Клио. Восход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23864877

ISBN 9785448507199

Аннотация

Самый загадочный продукт жизнедеятельности человека – это творчество. Сами авторы говорят, что лучшие строчки им нашептывает невидимая и неосязаемая Муза, а вот начинающему писателю Жене Прохорову одна из славной девятки – Муза истории Клио, решила явиться воочию. Оказывается, она – рыжая, выглядит лет на тридцать, и ездит на стареньком коричневом «Опеле».

Госпожа Клио

Восход

Сергей Дубянский

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Петропавловский

© Сергей Дубянский, 2017

© Игорь Владимирович Петропавловский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0719-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Женя отошел от окна. Вид засыпанного снегом пустого двора привлекал его гораздо меньше, чем оригинальный натюрморт, украшавший письменный стол. Он оставался неизменным уже несколько дней, за исключением бутылки, которая успела поменяться целых три раза. Сейчас достойное место в антураже занимала водка «Гжелка» – ее голубая этикетка приятно гармонировала с цветом обложек пяти абсолютно одинаковых книг, разложенных тут же веером. Со всех них смотрело злобное женское лицо, над которым растяну-

тыми, как потеки на стекле, буквами значилось «Под знаком черной луны» и имя автора «Евгений Прохоров»

А ведь он и есть, Евгений Прохоров! Как долго он ждал этого момента!.. Наверное, в сотый раз Женя перевернул обложку, разглядывая собственную улыбающуюся физиономию. Конечно, здесь он немного моложе и волосы подлиннее, чем сейчас, но не узнать его просто невозможно. Вздыхнул и перевел взгляд на противно молчавший все эти дни телефон.

Вернее, не так. Не то, чтобы телефон умер окончательно. Звонили приятели, приглашавшие в выходные на рыбалку; звонила Таня (Женя уже привык, что в конце квартала, а, тем более, года, она лишь звонит – похоже, у бухгалтеров такой жизненный график). Но это были не те звонки, которых он ждал.

...Неужто никому не интересно?.. – Женя перелистал страницы, вспоминая эпизоды, выписанные с такой любовью, что казалось, будто он пережил их лично, – нет, но чтоб сказать «неинтересно», ее надо, как минимум, прочитать. Значит, правильнее сказать – это никому не нужно. Странно, ведь другие книги покупают, а мою?.. Честное слово, она ничем не хуже... – наполнил рюмку и оценив, что в бутылке осталось еще почти половина, успокоился, – значит, до вечера хватит...

Он не хотел напиваться, а лишь притуплял трагическую, как ему казалось, остроту восприятия ситуации. Все дни

в голове кружился легкий туман, который спасал от желани-
я смахнуть на пол результаты полугодовых трудов и за-
быть о них навсегда. Если это никому не нужно, то зачем
тратить время, не спать ночами, забивать голову созданием
каких-то чужих судеб, когда можно, спокойно отсидев день
в офисе, вечером сходить с Татьяной в кафе, а в выходные
махнуть куда-нибудь *...например, на ту же рыбалку – вы-
пить водки на природе. Да-да! Выпить водки – это правиль-
но!..* – Женя небрежно выплеснул содержимое рюмки в рот.
За время неторопливого, ненавязчивого питья вкус перестал
восприниматься, и водку уже не требовалось не только заку-
сывать, но даже занюхивать. Достав сигарету, вернулся к ок-
ну, – *отпуск проходит дурацкой промозглой зимой...*

Он специально подгадал его к выходу книги, думая, что
свободное время может потребоваться для каких-то встреч,
обсуждений (он умышленно избегал ласкающего слух сло-
ва «презентация», но чем черт не шутит?..), а в результате
получалось так, как получалось. Уж лучше б сидеть на ра-
боте и ни о чем таком не думать. Ну, вышла книжка, и вы-
шла. И пусть о ней никто не знает – потешил свое самолюбие
и ладно.

*...В конце концов не сожгут же весь тираж только по-
тому, что она сейчас никому не нужна? Небось, расскажут
по библиотекам, в качестве благотворительной акции, а по-
том, лет через сто, когда меня уже не будет, она станет
библиографической редкостью и потомки станут гоняться*

за ней, как за памятником литературы начала двадцать первого века. За это стоит выпить, – Женя оглянулся на бутылку, но решил, что тогда водка кончится еще до вечера и снова придется одеваться и бежать в магазин, а выходить на улицу совершенно не хотелось. Поэтому он только вздохнул, глядя на белый бесчувственный снег, – а ведь в издательстве рукопись сразу понравилась... ну, правильно, они ведь прочитали ее. Блин!.. Тупые люди, я ж всем объяснил, где она продается!..

В это время тоненько тренькнул телефон. Женя даже вздрогнул от неожиданности. *...Надо жить нормально, – подумал он, – если это опять Славка, то поеду с ними на рыбалку, хотя и ни хрена не понимаю в тех мормышках. Клянусь, даже ни слова больше не скажу о книге! Не хотят – не надо!.. Насильно мил не будешь. И вообще, надо завязывать с этим писательством...*

Телефон продолжал дребезжать, и Женя взял трубку.

– Это квартира Прохоровых? – спросил мужской голос, – Евгения я могу услышать?

– Это я, – Женя пытался опознать голос, но тот казался абсолютно незнакомым.

– Женек, привет, – голос сделался веселым, но не более узнаваемым, – родной вуз вспомни. Это Царев. Помнишь такого?

– Вовка!.. – Женя одновременно обрадовался и удивился. В институте они дружили, но после окончания Володя Ца-

рев уехал домой, и хотя между городами было всего километров двести, связь оборвалась. Иногда у Жени возникала мысль стонять к другу, но лень сразу же выдвигала массу «неразрешимых» проблем – это ж надо ехать, искать; а вдруг он уже не живет по старому адресу... в общем, одна морока.

– Ты откуда? – спросил Женя.

– Отсюда. Я уже давно у вас тут обретаюсь.

– А чего не звонил?

– Да, как-то так... – (видимо, лень присуща всем людям), – а тут зашел в магазин, увидел книжку; открыл картинку – вылитый ты. Купил; прочитал – дай, думаю, звякну.

– Ты, правда, прочитал?!.. – Женя искренне обрадовался.

Ему как-то не приходило в голову, что потенциальные покупатели могут принадлежать не только к числу оповещенных им знакомых, – и как тебе?

– Нормально. Кроме... скажи, это ты все сам придумал?

– Конечно, сам, – Женя даже обиделся, – кто ж за меня придумывать будет?

– Нет, я не говорю, что ты украл сюжет, – Володя засмеялся, – просто там есть отдельные сцены – ну, такие надуманные. Например, шабаш ведьм. На мой взгляд, очень ненатурально.

– Слушай, Вов, приезжай. Посидим, по рюмке выпьем, – Жене было совершенно не важно, что кто-то там думает о конкретных сценах – главное, Вовка, по собственной инициативе, прочел книгу, и она ему понравилась!

– Ты живешь там же? Хотя... – Володя снова засмеялся, – мог бы и догадаться – если телефон остался, то и адрес тоже. У тебя жена есть? Я к тому, конфеты прихватить?

– Нету. Мы все больше «гражданскими браками» перебиваемся – живем нерегулярно, но с удовольствием.

– Это правильно. Ладно, через часок буду.

Женя положил трубку и в радостном волнении оглядел комнату. Быстро убрал со стола книги, недопитую бутылку, а то как-то слишком некрасиво все выглядело. ...*А чем мы богаты?* – заглянул в холодильник, и увидел колбасу, которую уже не решался есть; два яйца; в морозилке – сиротливый кулек пельменей, – *не густо, зато времени еще навалом...* Быстро оделся и пулей вылетел на улицу. Настроение сразу изменилось – это ж не то, что тупо выпивать по рюмке в час и тащиться от собственной гениальности!..

Стол получился вполне приличным, а запах копченой курицы даже наполнил квартиру вкусным уютом. Женя поправил кусочки сыра, выравнивая круг на большом белом блюде, воткнул ложки в готовые, магазинные салаты, но потом вынул их (ложки казались слишком громоздкими в крошечных прозрачных мисочках). Нетерпеливо прошелся по комнате. ...*Через час. Час уже прошел. Интересно, что ему не понравилось в сцене шабаша? «Ненатурально...» Подумаешь, специалист в мистике. А кто знает, как оно бывает на самом деле? Вроде, кто-то видел этот самый шабаш...* Радость от появления первого настоящего читателя уютно

устроилась в отведенном ей месте, и на первый план вышли авторские чувства, готовые ревностно защищать каждую строчку своего произведения.

Звонок в дверь застал Женю с книгой в руках. Он с удовольствием перечитывал, как Нина, принимая посвящение в ведьмы, отдавалась огромному черному козлу. *...И что здесь может не нравиться?..* – положив книгу, он направился к двери.

Володя практически не изменился, только в волосы прокрались редкие седые волоски (впрочем, непредвзятому взгляду они были почти незаметны). В руках он держал пакет и когда Женя попытался сомкнуть объятия, отвел руку в сторону.

– Осторожно, там бесценная жидкость.

– Господи, да у меня ж все есть!

– Водки много не бывает.

В пакете мелодично звякнуло. На секунду почудилось, что годы никуда не ушли, что завтра их снова ждет семинар и пара лекций, с которых можно безболезненно сбежать...

Володя остановился, оглядывая квартиру.

– Да, как в старые добрые времена... Родители-то живы? Помню, как Петр Васильевич все внушал нам, что курение – вред.

– К сожалению, нет, – Женя вздохнул, – совершенно нелепая смерть. На машине возвращались с дачи и фура вылетела на встречную – водила уснул за рулем. Но это уже давно

было, так что... не разувайся – тут не убрано, а гостевых тапочек у меня нет.

– Как скажешь. Кстати, «нелепая смерть» – выражение недопустимое для писателя-мистика. Он должен знать, что ничего нелепого в жизни не бывает. Все имеет первооснову. Разве нет?

Они уже стояли на кухне, и Женя поправил тарелку.

– Вообще-то, я не копал так глубоко – просто воображение разыгралось. Ты ж помнишь, я еще в институте пытался писать.

– Конечно, помню. Особенно про колхоз у тебя здорово получалось – как мы с тобой за самогоном ходили.

– Так ведь прочувствовано на собственной шкуре!... – Женя засмеялся, – давай, присаживайся.

Володя выставил на стол еще две бутылки водки, извлек кусок неестественно розовой ветчины, которую сам Женя покупать побоялся, предпочтя курицу.

– Так лучше, да? – Володя подмигнул хозяину.

Несмотря на кажущуюся легкость общения, Женя чувствовал себя не совсем уютно. Наверное, так всегда бывает после длительной разлуки – зрение упорно настаивает, что перед тобой хорошо знакомый человек, а сознание подсказывает, что он уже совсем другой, и разговаривать с ним надо не так, как раньше.

– Какой-то ты, прям, не родной, – перегнувшись через стол, Володя слегка стукнул Женю по плечу, – прошло-то

всего шесть лет! Для истории – не срок. Давай, за встречу, и расскажешь, как нормальный грамотный программист докатился до мистики.

– Я ж говорю, полет фантазии, – Женя наполнил рюмки, – реализм писать скучно... да и от бытовухи, по-моему, всех уже тошнит; Детективы?.. Стать одним из тысяч подражателей Донцовой? Или фэнтези?.. Ну, не наш – не русский это жанр...

– Все я понимаю, – перебил Володя, – но почему мистика-то? Это ведь очень специфическая штука – ее нельзя писать на пустом месте, не чувствуя определенного духовного влечения. К тому же она затягивает – черти по ночам мерещиться начинают. Это надо четко осознавать и быть готовым... ну, поехали.

Женя проглотил водку, не закусывая, и пока Володя жевал, решил пояснить:

– С чертями, тьфу-тьфу-тьфу, нормально – пока не посещали. И ощущений, собственно, никаких – я ж все это просто придумал. Могу придумать что-нибудь другое.

– Вот, – Володя погрозил обглоданной куриной косточкой, – именно, поэтому сталевары не читают книг про сталеваров, а летчики про летчиков. Писатели ведь все придумывают. Им не хватает правды жизни. Неужели ты думаешь, что нормальная женщина, как бы она ни желала стать ведьмой, полезет целовать задницу вонючего козла и не сблюет при этом? А половой акт?.. Ты пытался представить его в на-

туре?

– Но так говорят в народе, – Женя, вновь наполнявший рюмки, удивленно уставился на Володю, – что я могу добавить? Вроде, кто-то знает, как оно происходит в реальности.

– Выпьем и я тебе расскажу, как что происходит, – Володя резко опрокинул рюмку и метнул в рот кружочек колбасы.

– Ты стал сатанистом?!..

– Боже упаси! По крайней мере, мне так не кажется, – достал сигарету, Володя закурил. Взгляд его сделался таким тяжелым, что у Жени возникло мимолетное желание крикнуть: – Не надо! Я ничего не хочу знать! Но неизвестный науке вирус, занесенный в человеческий организм змеем-искусителем вместе с пресловутым райским яблоком, прищемил ему язык, заставляя молчать.

– Как говорили сведущие люди, я не должен никому этого рассказывать, но с тех пор прошло больше двух лет; к тому же я исполнил весь ритуал с луковицами, так что думаю, ничего страшного не случится. А тебе, как писателю занимающемуся подобной тематикой, просто необходимо знать! – Володино лицо было слишком серьезным, чтоб Женя рассмеялся при упоминании «ритуала с луковицами», хотя это и напомнило заметку из местной «желтой» газетки.

...Во что бы люди ни верили, – решил он, – это сидит внутри них, как некий стимул к действию или, наоборот, ограничитель – но в реальности-то ничего нет! Это лишь оправдание собственных поступков, исторически пришед-

шее к общему знаменателю в виде определенной религии, и распространившееся по всей земле...

– Давай выпьем, – Володя выразительно посмотрел на пустую рюмку, – а то посуда у тебя мелковата.

– Не, если не хочешь, не рассказывай. Я ж не заставляю...

– Нет, я расскажу! Сначала я боялся, а теперь, когда все успокоилось, хочу поделиться своей историей, но писать, как ты, к сожалению, не умею. Может, это станет сюжетом твоего нового романа, – он снова выпил, снова закурил, а Женя смотрел на свою полную рюмку и думал, что лучше ее пропустить. Многодневное «снятие стресса» может проявить себя очень быстро, а мысль о новом романе показалась заманчивой. И начало практически готово – встречаются два старых друга...

– Так что с тобой приключилось? – спросил он.

– Если помнишь, в институте я занимался водным туризмом.

– Конечно, помню. У вас еще руководителем был этот... с кафедры математики... Родин; имени не помню.

– Владимир Иванович. Но это, не суть важно. Так вот, после института я не бросил это занятие. Нашел малого – мы с ним еще в Адыгее, по Белой на рафте ходили. Тяжелая река – там даже чемпионат Европы проводился, а это кое-что значит... ладно, не в чемпионате суть... короче, каждое лето мы ухитрялись выкраивать по четыре-пять дней и уходили, как правило, двумя лодками. Конечно, категории речек

не те, что раньше, но и мы уже не те – у Кости колено давало знать после оверкиля... с другой стороны, мы ж не соревноваться, а отдыхать ходили – с природой пообщаться, от города отдохнуть.

Открывали мы сезон на Первое мая – там, по определению, не меньше четырех выходных получается. Ходили, в основном, по округе – на поездах кататься-то времени нету; и однажды наткнулись на изумительную речку. Леса там заповедные; деревни встречаешь раз в сутки; рыбы, хоть руками лови. Сама речка узкая, но очень глубокая и течение совершенно бешеное – сразу и не подумаешь, что по равнине течет; только порогов не хватает, зато вместо них лесные завалы. Приходится лодки несколько километров берегом обносить – тоже скажу, подготовка требуется... но суть опять же не в том, – Володя переместил взгляд в темный угол за холодильником, – двадцать девятого апреля вышли мы двумя «двойками» – я с Анютой и Костя с Иришкой. Прикинули – за пять дней должны уложиться, а обратно уже на автобусе. Погода шикарная; солнышко, безветрие. Вода, правда, ледяная, но она и летом не прогревается – сплошные родники, а тут же конец апреля, сам понимаешь.

Первый день отработали. Устроились на ночевку. Рыбы наловили. Костя гитару достал. Короче, все, как положено. Утром встали и дальше. Когда совсем рассвело, зашли мы в «протоки». Знаешь, это надо видеть. Ширина метра два, не больше. Весло невозможно развернуть поперек, а по сто-

ронам камыши метра в два с половиной; причем, это не берег – они в воде стоят. И ты в этом коридоре! Течение так несет, что стебли сливаются в желтую стену. Управлять почти невозможно. А русло к тому же петляет, как хочет. Чистый слалом!.. Носом ткнешься в камыш, байду тут же разворачивает; одно неверное движение, перевернешься, а берега-то нет! Ну, схватишься за камышину, а вторая лодка не остановится, чтоб подобрать тебя – это технически невыполнимо. Переохлаждение и все – труба тебе!.. К тому же, рукава еще и между собой соединяются – по несколько раз мимо одного и того же места проносишься, и на новый круг, пока не найдешь нужное русло. Страшное место. Лабиринт Минотавра какой-то...

Так вот, полдня нас там водило, но все-таки нашли мы выход. Когда выскочили на чистую воду, чувствуем, руки трясутся, сил никаких, у Кости колено заныло. Короче, решили, что дальше сегодня не пойдем. Пристали, вылезли и попадали на траву. Не поверишь, палатку ставить начали через час. Потом девчонки спать завалились, Костя остался рыбу ловить, а я пошел за дровами.

Вокруг дубы, чуть не в два обхвата, а дров нет – вроде, кто прибирает в лесу. А шел я берегом, чтоб не заблудиться. Довольно далеко ушел и вдруг слышу голоса. Думаю, неужто, кроме нас, есть еще такие же идиоты?.. А река там вправо забирает. Обогнул мысок и глазам не верю. Такой красоты я в жизни не видел, хоть, и на Алтае бывал, и в Тянь-Ша-

не – посреди реки остров. От него до берега метра два, а сам он метров пятьдесят квадратных, не больше, и весь алый. Я сначала не понял, а потом присмотрелся – от кромки воды по всей поверхности – тюльпаны. Знаешь, маленькие такие, полевые. Цвет у них темный, как запекшаяся кровь. Я так обалдел, что сначала и не увидел всего остального. А на острове люди. Парни, девки прыгают, типа, пляшут. Хотел я крикнуть, а потом смотрю, прыгают они вокруг плоского черного камня, и еще чуть дальше крест стоит, только криво как-то, и врыт вверх ногами. Ну, думаю, попали. Не иначе, сатанисты. Пора, думаю, ноги делать. А тут мысль – как же мы пройдем мимо острова? Может, не на один день оргия у них? Нас-то, мужиков, двое, а их человек десять, да еще девок куча. Сейчас, думаю, обколются, так им море по колено – и лодки утопят, и нас поубивают. А там никто не найдет – в камышах бросят, и с концами.

Потом успокоился – думаю, если сегодня все равно никуда не пойдем, можно лодки разобрать, перенести по берегу и поставить новый лагерь ниже по течению. К обновкам-то нам не привыкать. Мысль работает, а ноги, чувствую, не идут – как в землю вросли. Сатанисты, тем временем, к камню подходят, лижут его и что-то шепчут – типа молитвы, наверное. Рядом ящик с водкой стоит... а, может, и не с водкой, но каждый наливает и, типа, причащается – глушат, не закусывая, полными стаканами!..

Смотрю, все уже обамбученные, и тут одна девица сбрасы-

вает купальник... девка красива, между прочим!.. Подходит к камню, упирается в него руками... короче, в «позу» становится. Тут и остальные начинают тряпки сбрасывать; хохочут, кричат что-то. Я слова пытаюсь разобрать, но они будто на другом языке разговаривают. И тут началось!.. Сначала человек пять «поимели» девицу у камня, потом на остальных переключились. Прямо в тюльпанах. Все катаются, грязные; стонут, воют... Я такого даже у Тинто Брасса не видел. Но самое удивительное, от этой вакханалии, вроде, сама атмосфера изменилась – какая-то наэлектризованная стала, и на небе облако возникло. Прямо над островом. Сначала серое, а потом все темнее, и сразу стало смеркаться. Такой, вот, локальный вечер.

А наэлектризованность расплзается... я не могу описать, откуда что пришло, но вдруг такая резкая головная боль!.. Аж мозги плавятся! В глазах резь; все сливается в одно кровавое пятно, и тут я, похоже, потерял сознание... хотя нет, звуки еще помню. Вроде, младенец кричал – страшно так, надрывно... а, может, и не было младенца... Но главное – никаких козлов! Если дьявол там и присутствовал, то в образе той самой тучи, распространявшей ужасную энергетику, понятно?

– А дальше что?.. – Женю настолько захватил рассказ, казалось бы не содержащий ничего сверхнового, что заниматься его анализом совершенно не хотелось.

– Дальше?.. – Володя несколько раз моргнул, возвраща-

ась к действительности. Азартный блеск в его глазах погас, – дальше меня разбудил Костя, который, не дождавшись, пошел на поиски. Я первым делом глянул на остров, а там, кроме тюльпанов, ничего нет – даже камень исчез.

– И все? – спросил Женя разочарованно.

– Если б!.. – Володя недобро усмехнулся, – это только прелюдия. Посчитали – пролежал я три часа. Костя за это время, и рыбы наловил, и костер развел. Дров вокруг оказалось навалом – как я их не видел, сам не пойму. Может, кому-то так надо было...

– А на острове?..

– На острове, я ж говорю, уже ничего не было.

– Слушай, может, тебе все привиделось? Ну, галлюцинация или мираж какой?

– Может, и галлюцинация, только когда ночью с Анютой в спальник залезли, чувствую, что даже трогать ее неприятно – тело какое-то чужое, а это ж любовь моя была еще со школы! Я после сессии больше к ней ездил, чем к родителям. Мы тогда уже жили с ней, а тут в одно мгновение, как отрезало – не хочу и все!

Короче, уснул я, а ночью снится мне сон. Типа, сижу я на берегу речки – не этой, а какой-то тихой такой. Вода гладкая, прозрачная, аж светится, и течения совсем нет. Вдруг из глубины выныривает русалка – точь-в-точь, та девица, которая оргию на острове начинала. Подплывает ко мне и манит за собой. Взгляд у нее такой ласковый, что... как те-

бе сказать... сам понимать должен, когда красивая женщина так манит, каким бы образцовым ты ни был, устоять невозможно. Хочешь, говорит, посмотришь, как я живу? Тут надо дураком быть, чтоб отказаться. Я ныряю, и такая красота мне открылась!.. На дне водоросли колышутся, рыбы стайками носятся, а сама вода изумрудная, как в бассейне. Русалка берет меня за руку и тащит вниз. Это мне только казалось, что дно близко, а на самом деле мы все плывем и плывем, а оно не приближается. И тут вижу под нами клубится что-то мягкое – захотелось немедленно окунуться в него (оно ассоциировалось у меня с взбитой периной). В это время чувствую, что кто-то меня будит – знаешь, «пограничное» состояние, когда уже, вроде, проснулся, но ощущаешь себя еще во сне. Русалка, видно, поняла, что я ухожу, снимает с пальца перстень с зеленым камнем и сует мне. Мы, говорит, еще встретимся и отпускает руку. В этот момент я окончательно проснулся. Оказывается, уже наступило утро, и Костя решил, что пора наверстывать потерянное за вчерашний день. Кто б знал, как я ненавидел его!.. Да и не только его – вообще, весь мир! На Анюту наорал ни за что... ладно, не в этом суть. Собрались мы; тронулись; обогнули остров... прикинь, я специально смотрел – тюльпаны стояли, как солдатики. Вроде, не мял их никто и никакого камня с крестом там не было.

Днем остановились, пообедали и дальше пошли. А как чуть темнеть стало, Анюта и говорит – что-то, мол, в лодке

хлопает. Смотрю, и правда, вода. Я решил, что с весел натекает; мы ж без «фартуков» идем – не горный поток все же. Но воды-то все больше. А у берега, как назло, одни коряги и топляки – не пристанешь. Короче, пока мы суетились, байда пошла ко дну вместе со всем нашим добром. Вода, блин, ледяная – мгновенно тело парализовало. Так-то я плаваю, как рыба, сам знаешь, а здесь чувствую, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Ушел с головой и вижу, русалка моя к ногам прицепилась – на дно тянет. Так страшно стало, ведь это уже не сон. И лицо у нее совсем не доброе – красивое, но недоброе. Это буквально секунды продолжалось – потом Костя меня вытащил. Анята сама вылезла – за ствол ухватилась. Там же главное, чтоб течением не унесло.

Ну, пристали мы метров через сто. Костя достал свой спальник, налил нам с Анятой по стакану водки, раздел и затолкал в мешок. Пригрелись мы и тут же вырубились, а он стал нырять, чтоб байдку вытащить. Не знаю уж, как им с Иришкой это удалось, но достали – так, по правому борту пробоина, сантиметров двадцать. Резина, как ножом, прорезана – хотя, скорее всего, на сучок напоролись.

Вулканизатора нет. Ну, типа, заклеили, но вода все равно сочится. На следующий день кое-как доплыли до ближайшей деревни и поняли, что идти дальше просто опасно. Стали, значит, лодки разбирать, и в носу нашей, куда даже рукой не долезешь, нахожу перстень, который русалка мне во сне дарила. Прикинь мое состояние!.. Я дар речи потерял. Анята

привязалась, откуда, да чей, а что я скажу? Говорю, не знаю. Тогда, просит, подари – перстень-то, правда, красивый. Я и говорю, возьми. Она пытается надеть, а он будто сжимается и налезать не хочет. Короче, так у меня перстень и остался.

Поймали ЗИЛок, чтоб до трассы добраться. Километров десять проехали – машина сворачивает в кювет и опрокидывается. Неспешно так – как в замедленном кино. Анюта успела первой выпрыгнуть; Костя с Иришкой следом, а меня, вроде, сила какая держит – руки не могу от борта оторвать. Костя орет – прыгай! А я не могу. Так и скатился вместе с машиной. Потерял сознание. В себя пришел уже в больнице. Сломаны ребра, рука, сотрясение мозга – если б не ребята, точно, помер бы.

Привезли меня в город. Месяца два валялся и постоянно думал, что же все это могло означать? Так и не придумал. А перстень остался. Прикинь, и не потерялся при всех этих передрягах!..

– Он у тебя цел?!.. – воскликнул Женя.

– Нет. Ты дальше слушай. В общем, то ли сознание у меня сильно стряхнулось, то ли еще какая причина, но как только вышел из больницы, решил я к «бабке» сходить, чтоб она растолковала мне, что к чему. Нашел по объявлению. Сейчас, знаешь, много этих, которые, и «снимают», и тут же «портят». А «бабка» как шарахнется от меня и давай креститься! Езжай, говорит, срочно, и адрес сует. Я человек неверующий, но тут струхнул порядком – я ведь ей даже рас-

сказать ничего не успел, а тут такая реакция!.. А адрес-то ваш – я ноги в руки, и сюда. Город, благо, знаю – нашел того мужика, чей адрес она дала. Мужик довольно молодой, лет сорок. На «Вольво» ездит. Принял меня спокойно, выслушал и говорит, что попал я на шабаш. Оказывается, нечисть тоже Первое мая празднует, только называется оно у них Бельтайн – это ночь с тридцатого апреля на первое мая. То есть фактически, я лишь конец захватил – так сказать, культурную программу, а основное представление, похоже, ночью прошло... но козла все равно там не было!..

Еще мужик сказал, что тем, кто увидит подобное, нечисть житья не даст, поэтому и убить меня хотели. Чтоб уберечься, говорит, во-первых, об увиденном лучше никому не рассказывать, а, во-вторых, надо определенные ритуалы проделать. В другое время я б, ей-богу, поржал – прикинь, три луковицы проткнуть иглой с красной ниткой и развесить в разных углах; через неделю снять, завернуть в черную бумагу и сжечь. Согласись, бред полный, но тогда такой ужас во мне появился, что проделал я все в точности. И прикинь, помогло – русалка сниться перестала, никаких катастроф больше не случилось – наоборот, пока я тут у вас отирался, мне нормальную работу предложили; получше, чем дома. Вот я и переехал; снял квартиру...

– А перстень-то? – вспомнил Женя о самом главном.

– Перстень пропал. После визита к тому мужику я его больше не видел. Ему я его показывал – да. Мужик еще ска-

зал, что какая-то сила в нем кроется, с которой ни одному мужчине не совладать. Но я точно помню, как потом в карман его клал.

– Думаешь, мужик спер?

– Вряд ли. Он ко мне и близко не подходил. За столом сидел, а я – напротив, на стуле.

– Куда ж он делся?

– Понятия не имею. Я уже и не знаю, был ли он вообще. Сам посуди, не могла ж русалка реально передать его мне в моем сне! Ты вдумайся!.. Хотя, черт его знает... Короче, такая вот история, – закончил Володя, наполняя рюмки.

Женя чувствовал, что давно протрезвел и выпить ему просто необходимо. В голове уже складывался замысел нового романа, но для него не хватало еще очень многих деталей. Конечно, это будет совсем другое произведение, основанное на реальных событиях, не идущее ни в какое сравнение с той белибердой, которую он сочинил до этого.

– Вовка!.. – выдохнул он с энтузиазмом, – давай дальше «раскрутим» это дело, а? Будешь моим соавтором! Представляешь, какую штуку мы сможем выдать?!..

– Нет, – Володя усмехнулся, – я лучше потом почитаю.

– Но ты хоть поможешь мужика того найти? Я хочу про перстень все выяснить.

– Мужика, без проблем. А не боишься?

– Чего? Даже если все так и было, как ты рассказывал, тебе-то он помог, значит и мне поможет, в случае чего. Зато

какой грандиозный сюжетище!..

– Ну, смотри, – голос Володи сделался зловещим, но тут же это ощущение пропало, – я знал, что ты заинтересуешься. Вот, держи, – он протянул заранее приготовленный листок, – только никому про шабаш не рассказывай; так, на всякий случай...

– Можешь не сомневаться.

– А еще лучше... мы вообще с тобой, не встречались, а?

– Как скажешь. Не встречались, значит, не встречались.

*

...*Изуродовали город*... – с раздражением подумал Виталий. Это впечатление было ежедневным, и он уже привык к тому, что утро всегда оказывалось испорченным. Мысль возникала сразу, едва он утыкался в угол недавно сданного дома, похожего на огромный противотанковый надолб с голубятней наверху (такая, вот, дикая аллегория, возникала в голове – зато сравнение являлось весьма точным отображением его архитектуры). Чуть дальше блестело зеркальными окнами, выпиравшими из серой стены как беременный живот, еще одно совсем новое здание. Между этими мутантами чудом сохранился мостик, построенный два века назад – маленький, окруженный изящными коваными фонарями. Правда, его успели превратить в помойку молодожены, избравшие мостик местом ритуального паломничества – по-

мешать им бить там бутылки из-под шампанского, вешать замки и разбрасывать мусор не могла даже милиция.

На «Ауди», следовавшем впереди, неожиданно замигали аварийные фонари, и машина остановилась. Ехавшим сзади ничего не оставалось, как тоже остановиться – забор очередной новостройки сужал дорогу, не оставляя возможности для маневра.

Пока «Ауди» верещала, тщетно пытаясь завестись, Виталий откинулся в кресле и отвернулся от грубых бетонных плит, обклеенных пестрыми рекламными листовками. Слева убегала вниз, к водохранилищу улочка, застроенная почерневшими от времени маленькими домиками, а еще чуть дальше... но этого он уже не видел, зато прекрасно представлял, как среди домиков, словно насадка над цыплятами, возвышался Свято-Воскресенский храм. В отличие от современного стекла и бетона он не рождал ощущения дискомфорта, хотя и особого умиления в Виталии тоже не вызывал. Просто это было красиво и гармонично, а Бог ведь у каждого свой – не стоит пытаться выяснить его имя и понять, откуда он взялся. Эту истину Виталий усвоил давно, еще в «застойные» годы, когда ему отказали при приеме в комсомол. Повод, по тем временам, для студента университета был страшным (за такое могли даже отчислить) – его задержала милиция возле храма при проведении несознательными элементами пасхального крестного хода. А он ведь и не думал тогда о Боге – просто влияние массы людей, имевших общее

устремление, казалось настолько благостным, что Виталий ощутил его физически – он купался в море энергии, черпая ее самым бессовестным образом. Не зная механизма процесса, он, тем не менее, чувствовал, как ему легко, как появляется непонятная сила... правда, тогда он не представлял еще, как ее можно использовать.

А придурки из деканата хотели, чтоб он признал все это «бредом и роковой ошибкой» за право носить на груди значок, стоивший в магазине двадцать копеек, и еще отдавал часть стипендии, получая взамен печать в красной книжечке. Вот это, действительно, бред!..

С другой стороны, Виталий так и не осознал сущности Бога, которому следует поклоняться, исповедоваться, просить защиты и покровительства. Для него Бог являлся кем-то вроде старшего брата, у которого можно занять денег до стипендии, с которым советуешься, осмысливая потом его мнение, но делая собственные выводы. Одно было совершенно неоспоримо – Бог существует и, видимо, его тоже устраивало их взаимное сотрудничество, раз оно продолжалось столько лет, с каждым годом делаясь все успешнее.

Из «Ауди» вылезли три «братка» и освобождая проезд, стыдливо откатали непослушную машину. Виталий тут же проехал мимо и свернул на улицу Орджоникидзе, которой группа энтузиастов пыталась вернуть историческое название – Воскресенская. Хотя разве название имеет значение, если половина людей и так не помнит, кто такой Серго Ор-

джоникидзе, а Свято-Воскресенский храм, вот он, убажает взор блеском своего позолоченного шпиля?..

Перекатываясь на ледяных буграх, въехал во двор старой пятиэтажки и остановился; взглянул на часы – из-за «пробки» он опоздал на десять минут, но кто ж посмеет напомнить ему об этом? Кристина? Никогда. Или охранник Коля? Тем более. А больше в его офисе никто и не работал.

Виталий не пошел через главный вход, где над высоким, отделанным «под мрамор» крыльцом с полупрозрачным, похожим на перепончатое крыло навесом, блестела вывеска «Салон белой магии «КОЛЕСО ФОРТУНЫ». Маг должен появляться и исчезать незаметно, а не как обычные люди, карабкаясь по обледеневшим ступенькам (для этого он специально согласовал с жильцами сохранение прежнего входа – через подъезд).

Открыв дверь, он снял длинное черное пальто и прошел в кабинет, украшенный магическими атрибутами; скользнул взглядом по столику с «Колесом фортуны» (в городе этим старинным гаданием не пользовался никто, кроме него – оно, собственно, и дало название салону); приоткрыл дверь в соседнюю комнату, где сидела его помощница (слово «секретарша» как-то не вязалось со статусом салона).

– Кристина, я пришел.

– Хорошо, господин Виталий, – шеф не запрещал ей заниматься посторонними делами, поэтому девушка, не стесняясь, пыталась сложить пасьянс, предложенный компьюте-

ром, – на девять к вам записывалась парочка, но они не пришли.

– Значит, либо помирились, либо уже развелись, – Виталий улыбнулся и закрыл дверь. Прошелся по кабинету, зачем-то выглянул в окно, чуть раздвинув жалюзи и наконец опустился в глубокое кресло. Закрыв глаза, вытянул ноги и раскинул руки так, что пальцы коснулись пола. Теперь он чувствовал себя открытым для всех энергетических потоков.

– Суета,пусти меня, – произнес он, беззвучно шевеля губами, – я готов заглянуть внутрь вселенной, как внутрь себя. Я обращаюсь к своему «Я». Возьми ровно столько сил, сколько мне потребуется и направь их так, чтоб через меня они вернулись к первоисточнику. Скажи мне, что нужно делать?..

Перед глазами возникли расплывчатые фигуры. Иногда они исчезали, не обретя конкретных очертаний; иногда, превратившись в реальные, но незнакомые образы, проплывали дальше, так и не создав единого полотна. Как правило, они не приближались, образуя пестрое подвижное панно, но случалось, что одно из лиц, выхваченное крупным планом, возникало совсем рядом, заслоня остальные. Оно являлось, как бы, символом дня.

Сегодня Виталий видел лучики морщинок у глаз, одинокий волосок торчавший на носу, круглый подбородок с характерной ямочкой – это было самое заурядное лицо. Он знал, что в минуты медитации нельзя напрягать сознание,

пытаясь что-то расшифровать или осмыслить – энергетический поток тут же прекратится, встретив препятствие. Поэтому лицо просто качнулось и исчезло, словно унесенное ветром; оно даже не запомнилось, ведь напрягать память тоже нельзя. Надо превратиться в податливую губку, впитывающую абсолютно все, и только тогда можно пополнить свой энергетический «боезапас».

Общение продолжалось ровно девять минут. После этого маг открыл глаза, сгруппировался, принимая естественную для сидящего человека позу. Внутренне он не чувствовал в себе никаких изменений, но знал, что они есть. Может, он и не должен их чувствовать, просто через его оболочку действуют какие-то совсем другие, высшие силы. Одно время такая постановка вопроса его сильно задевала, но потом он решил, что являться «транслятором» тоже дано не всем, и успокоился.

– Господин Виталий, вы готовы? Можно приглашать? – в дверь просунулась голова Кристины.

Маг кивнул и дверь широко распахнулась. Опершись о подлокотники, Виталий поднялся навстречу молодой женщине, неуверенно переступившей порог. Судя по одежде, в жизни она не была излишне робкой, но непривычная обстановка, видимо, заставила ее растеряться.

– Присаживайтесь, – Виталий придвинул стул.

Посетительница опустила на него, продолжая осматривать помещение. Хозяин не торопил ее, понимая насколько-

ко сложно человеку перенестись из одного мироощущения в другое. Наконец глаза женщины остановились на самом маге.

– Вы может снять порчу? – спросила она тихо.

– Разумеется.

– И сколько это будет стоить?

– В зависимости оттого, что на вас навели, – он объяснял спокойно, будто помогал выбрать стиральную машину.

– Понимаете, я развелась с первым мужем, – женщина покраснела, словно в этом крылось нечто предосудительное, – сейчас снова вышла замуж. А уже чрез неделю мне стал сниться первый муж. Вы считаете, в этом нет ничего особенного?

– Абсолютно.

– Но он снится не только мне, но и моему новому мужу. Причем, сны совпадают. Он видит нас вместе и поэтому ужасно ревнует. Мы все время ссоримся из-за этого, и я уже не знаю, что делать. Знаете, при разводе я отдала первому мужу все свадебные фотографии. Наверное, он на них что-то сделал...

– Порча – это совсем другое. Она не так проявляется, можете не волноваться. А скажите, вы живете у нового мужа?

– Нет. Он у меня.

– И мебель вся осталась старая?

– Конечно.

– Тогда разберите ваш диван или кровать, что там у вас

есть. Протрите каждую деталь, пропылесосьте все щели, выбейте матрасы и подушки, проветрите их. Если, конечно, нет возможности купить новую мебель.

– И все?..

– Все. Знаете, девушка, предметы тоже имеют память. Энергетическую. Поэтому если не хотите, чтоб кто-то приходил в ваши сны, выбросите все, что с ним связано.

– А если не поможет?

– Тогда зажгите в спальни свечу и окурите помещение можжевельником. Обходите комнату против часовой стрелки...

– Где ж я возьму можжевельник?

– В ста метрах отсюда находится банк. У них во дворе можжевельника видимо-невидимо. Только ломайте аккуратно, а то там камеры слежения, – Виталий улыбнулся.

– Так просто?.. – лицо ее сделалось недоверчивым.

– Все в этом мире просто, только мы не всегда понимаем эту простоту, – Виталий вздохнул, – а вы пришли за чудесами? Смею вас уверить, чудес на свете не бывает. И волшебников не бывает. Есть люди, обладающие определенными знаниями, и есть те, кто ими не обладает. Больше ничего.

– Сколько я вам должна? – женщина встала.

– За что? Я ж ничего не делал. Это так, добрый совет.

– Спасибо, – пятясь и прижимая сумочку, женщина вышла.

Когда на входной двери звякнул колокольчик, Виталий

высунулся из кабинета.

– Слушай, ты хоть интересуйся, с чем люди идут, а то только время отнимают.

– Она ж сказала, что надо порчу снять, а я что?.. – обиделась Кристина.

– Порчу ей снять... квартиру надо лучше убирать, тем более, когда нового мужика в дом приводишь! – Виталий закрыл дверь и вернулся в свое любимое кресло. От сеанса, на который отводится полчаса, осталось целых двадцать минут – двадцать минут бесцельно проходящего времени...

*

Женя проснулся на диване, полностью одетым, а через открытую кухонную дверь на столе виднелись пустые бутылки и неубранные тарелки. В комнате было совсем светло. Голова болела и самое неприятное, что окончание вечера практически выпало из памяти. Он не помнил даже, как ушел Володя. Пошарил по карманам. Бумажку с адресом колдуна, забравшего перстень, он предусмотрительно сохранил, а, вот, новые Володины координаты, видимо, спросить забыл. Очень жаль...

Постепенно события стали восстанавливаться – вернее, та их часть, которая еще подлежала восстановлению (например, как они допивали «Гжелку» он просто не мог вспомнить; когда и куда поехал гость в таком состоянии, тем бо-

лее).

Женя неуверенно поднялся и вышел на кухню. Запах курицы перестал быть уютным и, скорее, ассоциировался с чем-то прокисшим и несъедобным. Выпил воды и закурил, присев на табурет. ...*Чем же вчера все закончилось?..* Пустые бутылки, беспорядочно стоявшие в разных местах стола, словно шахматные фигуры, говорили о многом. ...*Ах, да... роман. Новый роман про ведьм, русалку и перстень с зеленым камнем...* Вчера он казался абсолютно ясным, почти готовым к написанию, а сегодня сюжет почему-то рассыпался, потеряв, и начало, и конец. ...*Хотя нет, начало осталось – встречаются два старых друга, а потом начинается... что начинается?..* – Женя затушил окурок в переполненной пепельнице, – ...*роман начинается с того, что надо идти за пивом...*

Разгладив руками измятые джинсы, он посмотрел в зеркало. ...*А что делать, если другого лица у меня сегодня все равно нет?..* С трудом попав в рукава куртки, он вышел на улицу. Легкий морозец, сменивший вчерашнюю, совсем не зимнюю слякоть, вернул организм к жизни, а уж когда в руках зашипела банка с пивом, стало совсем хорошо. Смахнув снежок, Женя опустился на ограждение, отделявшее тротуар от истерзанной собачьими следами лужайки; сделал первый глоток. Нет, никуда он отсюда не уйдет, пока не замерзнет! Так и будет сидеть, лениво глядя на глупых людей, куда-то зачем-то спешащих мимо.

...*Может, ну его, этот роман?* – подумал он, – *собственно, никто не заставляет его писать. Великого писателя из меня не получится, потому что сейчас «великих» нет, а чтоб стать популярным, надо жить в Москве, крутиться в «тусовке», заводить знакомства. У меня же есть нормальная жизнь...* – Женя поднял голову, вливая очередную порцию живительного напитка, – *значит тот, первый, рассказывает второму про шабаш. И что дальше?.. А ничего!..* – он мысленно ударил себя по рукам, – *ничего! Рассказал и ладно!.. А как же ему выйти на перстень, и что тот из себя представляет?* — с сожалением потряс опустевшей банкой, – *а чем мне, собственно, еще заниматься, по крайней мере, в отпуске? У Таньки баланс... Сидеть дома и смотреть телек? Устал уже. Рыбалка?.. Морозить на льду задницу?.. Значит, надо найти перстень...* Женя полез в карман, и вместе с сигаретами вытащив смятую бумажку, уставился на ровные аккуратные буквы.

...*Вот, ведь зараза! Знал, что я клюну, и все заготовил заранее!.. Жалко, я не записал, как его самого найти. С ним как-то веселее...* – тяжело поднявшись, он побрел к остановке, и уже глядя на гостеприимно распахнувшиеся двери полупустого автобуса, подумал, – *а куда я собрался?* – и сам же ответил, – *там написано!.. Значит, какая же маршрутка мне нужна?..* После пива голова болеть перестала, но мыслей в ней так и не появилось. Вернее, может, они и были, но обиталище их казалось таким огромным и пустым, что

они просто терялись в его объеме.

Вышел Женя у небольшого рынка и пошел вдоль торговых рядов. Запахи чебуреков, жареных кур и копченой рыбы, наполнявшие воздух, натолкнули на радостную мысль, что теперь он даже способен что-нибудь съесть. А после очередной банки пива появилась невероятная легкость, возрождая, зашедший было, в тупик сюжет. Детали его пока просматривались не очень четко, но он существовал, а, значит, скоро ляжет и на бумагу – надо было только посмотреть на мужика, который, скорее всего, станет одним из главных героев.

По тропинке Женя обошел дом в поисках нужного подъезда. Он даже не думал, что скажет хозяину. Разомлевшее от пива сознание отказывалось заниматься непосильной работой, поэтому *...мне б только б глянуть ему в глаза, а остальное сам придумаю...* Позвонил и мотнул головой, пытаясь придать лицу осмысленное выражение; щелкнул замок, дверь открылась. На пороге стояла женщина... или даже девушка, но ее вид настолько не вязался с ожидаемым, что Женя лишь облизнул сухие губы, судорожно вникая в изменившуюся ситуацию.

Скорее всего, она только вышла из ванны. На ее голове красовалась чалма из полотенца, скрывавшая волосы, отчего лицо казалось широким, а глаза неестественно большими. На щеке повисла капелька воды. Под тонким розовым халатом бессовестно просвечивали темные соски. Голые ноги заканчивались розовыми пушистыми тапочками с кошачьими

мордами. Они выглядели так естественно, словно эти милые звери являлись одним из ее лиц почему-то сползших вниз. В руке девушка держала фен с волочившимся по полу шнуром.

– Добрый день, – Женя даже сам ощутил, как изо рта расползается запах перегара.

– Здравствуйте, – девушка явно находилась в замешательстве, то ли от этого недостойного запаха, то ли от собственного вида, совершенно неподходящего к встрече с посторонним, – вам кого?

– Мне б, это... господина Виталия, – повторил Женя написанное в записке.

– А он на работе, – девушка облегченно вздохнула.

– Разве он еще и работает где-то?

– Естественно, – девушка пожалала плечами.

Этот элементарный жест получился настолько грациозным, что Жене очень захотелось, чтоб она повторила его. Только как заставить ее сделать это?..

– Я думал... а то два года назад...

– Ой, что вы!.. – девушка улыбнулась. (Ее приоткрывшиеся губы, за которыми возникли маленькие ровные зубки, покорили Женю даже больше, чем движение плеч. ...*Почему я никогда не встречал подобных божественных существ? Наверное, в этом и есть причина того, что приходится коротать время с Татьяной...*), – да, два года назад он работал дома, а сейчас открыл «Колесо фортуны». Слышали?

– Нет, не слышал.

– Теперь он там работает. Хотите, принесу телефон? Можете позвонить и записаться, – не дожидаясь ответа, она пошла вглубь квартиры, и Женя с вожделием смотрел, как двигается под халатиком ее тело. Он не знал, красиво ли оно, но чувствовал непонятную притягательную силу.

– А вас как зовут? – спросил он неизвестно к чему, когда девушка появилась вновь, сменив фен на телефонную трубку.

– Даша, – она набрала номер, – вот, пожалуйста.

– «Колесо фортуны». Добрый день, – ответил бодрый женский голос.

– А... господина Виталия, – промямлил Женя, не готовый к столь стремительным поворотам событий.

– Господин Виталий по телефону не консультирует. Могу записать вас, например, завтра, на десять.

– Да, пожалуйста, – Женин голос обрел некоторую твердость, ведь он не дома на диване, чтоб демонстрировать свое плачевное состояние – достаточно того, что он предстал алкашом перед этой замечательной Дашей. *...Боже, что она подумает?..*

– Ваша фамилия? – спросила трубка.

– Прохоров, Евгений, – Женя покосился на хозяйку, взиравшую на него с плохо скрываемым любопытством.

– По какому вопросу?

– Ну... вы же занимаетесь магией, да?..

– Поконкретнее, пожалуйста. Часть проблем мы можем решить, а за определенные, господин Виталий не берется по этическим соображениям.

...Блин, о, как!.. Оказывается, здесь тоже существует своя этика! Никогда б не подумал! Нет, с этим человеком мне необходимо встретиться – тогда я смогу написать такое!..

– Это касается дела, которым он занимался два года назад, – выкрутился Женя, и такое объяснение секретаршу устроило.

– Завтра в десять господин Виталий будет вас ждать. До свидания, – сообщила трубка и запищала короткими гудками.

– Спасибо, – Женя вернул трубку хозяйке.

Она взяла ее, но почему-то не уходила. И Женя не уходил, ожидая неизвестно какого продолжения. Наконец, видя, что ничего не происходит, хозяйка улыбнулась.

– Вы все решили? А то мне холодно так стоять.

– Да-да, конечно!.. – Женя почувствовал себя полным идиотом. Что он здесь делает? Завтра в десять встреча с магом, а сейчас-то?.. – извините за беспокойство.

– Приятно было познакомиться, – хозяйка снова пожала плечами. Боже, как соблазнительно у нее это получалось!..

Женя вышел на площадку. Дверь за ним тут же закрылась, и мгновенно «допинг» перестал действовать – вернулась вялость, преследовавшая его с самого утра. *...Еще банку пива*

и спать... Неужели надо быть колдуном, чтоб жить с такой женщиной? Наверное, да... — он уже вышел на улицу и стоял у подъезда, закрываясь от ветра, постоянно тушившего огонек зажигалки, — вот это будет роман! Из нее я сделаю русалку. А что? Ведь не бывают обычные женщины столь обворожительными... — он усиленно пытался направить мысли по сюжетной линии, но они все время сворачивали в сторону, кружась хороводом вокруг розового халатика и этого несносного движения плечами, — а улыбка!.. Он резко зажмурился и снова открыл глаза. Из-за угла появилась высокая блондинка в короткой дубленке с небрежно наброшенным капюшоном, и взгляд небрежно скользнул по ней, — интересно, какие у Даши волосы?.. Женя пытался представить разные варианты и пришел к выводу, что больше всего ей подошел бы рыжий цвет. ...Жаль, что я не могу спросить у Вовки, какой «масти» была русалка — надо было сразу взять его мобильник, пока еще не сели квасить... А почему, собственно, не могу?.. Если пойти старым, еще студенческим путем...

Домашнего телефона в то далекое время у Володи не было (о мобильных, вообще, еще речи не шло), и связь осуществлялась через соседей, которые всегда его приглашали. ...*Может, и сейчас позвонит кто-нибудь из родителей? А у них все и узнаю... — появилась конкретная цель — от этого даже голова просветлела, — но пиво все равно не помешает, — решил Женя, сворачивая к ларьку.*

Вернувшись домой, он отыскал потрепанную записную книжку и открыв ее, невольно погрузился в сладостные воспоминания. Барахтаться там можно было часами, но это несколько не приближало к новому роману, поэтому усилием воли Женя заставил себя найти нужную страницу и взял телефон.

– Извините, а Царевы, соседи ваши, они еще живут там?

– Куда ж они денутся? – голос был недовольным, но Женю это не смутило.

– Вы не могли б пригласить кого-нибудь?

– А их сейчас нет.

– Тогда, может, вы знаете новый адрес или телефон Володи?

– Новый? – голос искренне удивился, – какой новый? Он никуда, вроде, не переезжал. Вчера заходил ко мне... я не знаю его нового телефона.

– Спасибо... – рука с трубкой опустилась сама собой, а рот приоткрылся. Женя понял, что собрать мысли воедино ему не удастся, причем, дело здесь совсем не в похмелье.

...Кто ж тогда вчера был у меня, если Вовка заходил к соседу?.. Это не приведение, судя по выпитой водке. И еще... – он достал записку с адресом, – вот она, реальная, и написал ее... нет, почерк, точно, не мой... Да и откуда мне б в голову мог прийти адрес, которого я не знал до сегодняшнего дня?..

Женя прошелся по комнатам, внимательно оглядывая каждый угол в поисках незамеченных ранее улик, но кро-

ме ножниц, которые потерял неделю назад, ничего не обнаружил. Улегся на диван. Ненаписанный роман, обретая новые неожиданные нюансы, каким-то образом вползал в его жизнь. ...*Как сказал вчера Вовка... или не Вовка... это затягивает...*

*

За окном лежал снег. Ничего более точного и однозначного в голову не приходило. Деревья от самых стволов проросли пушистыми белыми лапами, кусты превратились в сугробы и все это проплывало мимо, словно кто-то медленно тянул на себя нескончаемое атласное полотно.

...По всем дурацким гороскопам зима должна быть моим временем года, но почему же тогда я ее так не люблю?.. – подумала Настя, прикрывая глаза. От тысяч снежных искорок и ослепительной белизны они быстро уставали, а из правого даже выползла ничем не оправданная слезинка.

Колеса навязчиво выстукивали одно и то же слово. Они пытались внушить его со вчерашнего вечера, но безуспешно. Настя так и не поняла, что это за слово, хотя для раздумий была целая ночь. В половине первого зашли украинские таможенники, в два – русские. Может, кто-то и смог уснуть после подобных встрясок, но она вообще плохо спала в поездах, а тут еще это...

Ничего противозаконного, по ее мнению, они с Андреем

не везли, но само ощущение того, что ты не знаешь этого наверняка и потому совершенно бесправен, угнетало. А вдруг вышел какой-нибудь закон, запрещающий перемещать через границу, например, карты Таро, полированный череп или магические книги, даже не являющиеся антикварной ценностью? Запретили и все. Известно ведь, как принимаются законы.

Настя вздохнула и откинулась на жесткую перегородку, отделявшую ее от другого человека, жившего своей жизнью, боровшегося со своими проблемами и переживаниями. Кажется, там ехала женщина, которая всю ночь смотрела в окно, пряча глаза в темноту, а теперь расслабившись, уснула, укрывшись с головой и поджав под себя ноги.

Собственно, спала не только она – спали все, несмотря на то, что яркое солнце давно пыталось добраться до них, тычась лучами в двойные стекла вагонных окон. Настя видела это, выходя покурить в тамбур. Правда, на обратном пути одинокий пожилой мужчина уже шуршал фольгой, приступая к завтраку, но эта «ласточка не делала весны» – Настя лишь почувствовала запах чего-то жареного и поняла, что есть совершенно не хочет. Конечно, она подождет, когда проснется Андрей, а пока... пока было ужасно скучно, но несмотря на это, ехать хотелось бесконечно долго. Это лучше, чем с утра до вечера морочить людям головы. Какая из нее прорицательница? Может, в детстве у нее и проявлялось нечто, несвойственное остальным людям, но потом она

незаметно излечилась от странной болезни, и лишь Андрей заставлял ее заниматься этим бессмысленным ремеслом.

...Хотя, почему бессмысленным? А чем другим я могу заниматься? Что я еще умею?.. Ни-че-го. И учиться как-то никакого желания нету... С другой стороны, если б я была настоящей ворожеей, уж свое будущее смогла б обеспечить. Я б один только раз «присушила» какого-нибудь олигарха и оставшуюся часть жизни жила безбедно и беззаботно, вместо того, чтоб таскаться, бог знает где, ожидая, когда тебя выгонят из очередного города. Теперь даже не из города, а из целой страны, родной страны. Смешно! Зато Россия гораздо больше Украины. Здесь есть безграничная Сибирь и очень Дальний Восток, где можно неопределенно долго «осчастливливать» доверчивый народ... Интересно, что из себя представляет это городишко, который выбрал Андрей?..

Настя открыла глаза – ни внутри, ни за окном ничего не изменилось. Взглянула на часы. ...Десять. Значит, еще два часа. Скоро проводники начнут всех будить, потому что наверняка и здесь существует «санитарная зона»; выстроятся очереди в туалет, зашуршат сумки и пакеты, запахнет вчерашней едой... Все, дорога закончится. Снова надо концентрироваться, делать загадочное лицо и говорить бредовые, но кажущиеся умными слова... Неужели все это, действительно, чушь и глупость?.. – Настя подперла рукой голову, внимательно разглядывая торчащие с полок босые

ноги, – но ведь еще в школе я заставила летать Оксанку Симоненко. Или, может быть, эту историю я придумала и за давностью лет сама поверила в нее?.. Нет, Андрей тоже все видел, иначе б ему не пришла в голову идея, которая кормит нас уже много лет. Интересно, сам он до сих пор верит в мои способности? Хотелось бы, чтоб верил, но разве у него разберешь, где правда, а где нет?..

Посмотрим, какую квартиру он подобрал для нас. Конечно, говорит, это не Киев и даже не Днепрпетровск, но городишко очень приличный... Значит, не должно быть такого «сарая», в каком последний раз мы жили во Львове...

– ...Эй, Настена, ты у нас жаворонок, да?

Настя подняла голову и увидела свесившуюся с верхней полки лохматую голову. Андрей протянул руку в надежде, что Настя хотя бы погладит ее, но она лишь улыбнулась.

– Ты ж знаешь, в поездах я всегда жаворонок.

Не получив желаемого, Андрей сделал серьезное лицо.

– Забыл, мы когда приезжаем по местному времени?

– Без пяти двенадцать. Вставай, пока туалет не закрыли.

Андрей ловко соскочил вниз; сладко потянулся – короткая боковая полка не позволяла телу принять комфортное положение, и только теперь он ощутил свободу. Не смущаясь Насти, не спеша натянул джинсы и майку с надписью, сообщавшей, что ее обладатель выступает против наркотиков и насилия (английский язык Настя знала на уровне нетвердой школьной «четверки») и верила Андрею на слово, хотя

там могло быть написано совсем другое выражение).

Одевшись и прихватив пакет с зубной щеткой, Андрей, хватаясь за стойки, словно пьяный, пошел по раскачивающемуся коридору. Настя снова отвернулась к окну. Солнце, видимо, чуть изменило угол падения лучей и снег перестал искриться, превратившись из атласа в обычную белую простыню.

В конце коридора хлопнула дверь, и фигура Андрея исчезла, зато Настины мысли вернулись в прежнюю точку. ... *Наверное, все-таки он верит в мои способности... А, может, дело не в способностях – может, он по-своему любит меня, но я почему-то не хочу с ним спать. Если только иногда...* – Настя улыбнулась своим воспоминаниям, – *ночью ведь мне надо восстанавливаться, а не заниматься любовью, сжигая последние остатки энергии. У меня «сеанс связи с космосом» посредством подушки. Но вообще-то, он хороший. Без его организаторских талантов наш бизнес давно бы загнулся. Или вернее, его б не появилось вовсе...*

– Пассажиры, просыпайтесь! Через сорок минут санитарная зона! Просыпайтесь! – проводница появилась заспанная и домашняя, сама больше похожая на пассажирку.

...Ну, началось. Значит, пора завтракать...

Голос проводницы послужил сигналом не только для пассажиров – не успела Настя достать оставшиеся с вечера полпалки колбасы и переставший быть хрустящим батон, откуда-то появилась женщина с пирожками, потом парень с га-

зетами. Андрей столкнулся с ним в проходе. Настя видела, как он купил газету, нетерпеливо развернул ее, а подойдя, довольно улыбнулся и положил на столик.

– Смотри. Нравится в русском варианте?

Настя увидела знакомую фотографию, уже обошедшую почти все региональные украинские газеты, а рядом стандартный текст с крупным заголовком «Ворожея и прорицательница Анастасия». Дальше шел перечень «чудесных деяний», якобы, совершенных ею. Содержание они придумывали вместе, давась от смеха, а благодарственные отзывы подписывали фамилиями бывших одноклассников, чтоб особо не напрягаться. Как давно это было!.. Двое из «благодаривших» уже умерли...

– Так что, нас ждут, – сказал Андрей тихо, чтоб не услышали остальные пассажиры.

Настя, не читая, отложила газету. Настроение сразу испортилось. *...И почему он выбрал почти приграничный город? Лучшие б сразу поехали в Екатеринбург, тогда б еще несколько суток можно так же беззаботно трястись в поезде...*

– Нет, ты посмотри, как классно получилось, – Андрей вернул газету на место, – главное, у них с этим никаких проблем – полполосы, так полполосы; никто никаких лицензий не требует, только свидетельство предпринимателя. Лафа!..

Настя не стала читать содержание, обратив внимание лишь на последнюю жирную строку «Цена – 300 рублей».

– А триста рублей в гривнах, это сколько?

– Около полтинника. Нормально – у них в России все дороже. Если что, сбросить можно. Рождественская распродажа, так сказать, – он вытащил нож и отложив страницу с Настиним портретом, на остальной газете принялся резать колбасу.

Компания, расположившаяся напротив, уже проглотила чай с остатками киевского печенья и достала карты. Они весь вечер резались в «дурака», но так и не выяснив, кто из них глупее, решили все-таки прояснить ситуацию в оставшееся время.

– Андрюш, а чай мы будем? – Настя отвернулась от игроков и положила в рот, блестящий жиром кусок колбасы. Она б с большим удовольствием съела, например, блинчик с творогом, но кто б его еще приготовил? А колбаса... Андрей любил колбасу и считал, что остальные тоже должны питаться исключительно ею.

– Конечно. Я схожу, – он направился к проводникам, и в это время один из игроков смачно шлепнул картой по столу.

– А у меня «ведьма»! Что будешь делать? Бить-то нечем – ты дурак. Против ведьмы, брат, не попрешь!..

И вдруг Настя поняла, какое слово выстукивали вагонные колеса – слово, которое она пыталась распознать всю ночь. Ведь-ма!.. Ведь-ма!.. Оно словно предупреждало пассажиров об опасном соседстве. Хотелось крикнуть: – Да ни-

какая я не ведьма!.. Но Настя вспомнила сцену из школьного спектакля, который они играли еще в шестом классе. «Панночка умерла. Черти, заберите ее!..» – это ее, Настин, голос, и тут же Оксанка Симоненко, во всем белом, с распущенными волосами медленно поднимается со сдвинутых стульев, исполнявших роль гроба; поднимается горизонтально, как у Копперфильда, только безо всяких тайных приспособлений. Настя тогда закричала, сама испугавшись того, что натворила, и Оксанка плашмя упала на пол... Больше она не смогла повторить подобного трюка никогда, но ведь это же было!..

«Ведь-ма! Ведь-ма!» стучали колеса. Слово слышалось настолько явственно, что Настя уже не могла понять, как не разобрала его раньше. Оно ж просто само лезет в уши!..

– Вот и чай, – Андрей поставил стаканы, – ты чего такая испуганная? Что случилось?

– Я?.. – Настя не думала, что мысли отразились на ее лице, – нет, тебе показалось.

– Все ерунда, – Андрей погладил ее по голове, – надо осваивать новые территории, а то дома мы уже примелькались. Все будет хорошо. В России нет закона, запрещающего заниматься оккультизмом, если он не наносит вреда здоровью, так что не переживай.

– Я не переживаю, – Настя не знала, как объяснить свое состояние. ...*Впрочем, его и не надо объяснять... какое-то минутное смятение. Это будут обычные «гастроли», ничем*

не отличающиеся от других... – все нормально, – она взяла его руку и поднесла к губам.

– Ты умница, – успокоенный, Андрей уселся напротив, – если б не работа, я б, наверное, на тебе прямо сейчас женился!

– А не страшно? – Настя хитро прищурилась, – Оксанку Симоненко, помнишь?

– Помню, но надеюсь, это был какой-нибудь полтергейст, а ты у меня самая нормальная. Я думаю, годика три еще покатаемся, деньжонок подкопим, а потом откроем спокойный бизнес. Пусть другие на нас пашут, а мы купим квартиру на Оболони, будем ездить отдыхать в Испанию... Согласна?

– Посмотрим, – Настя почувствовала, как туча рассеялась, и язык вагонных колес вновь стал непереводаим на человеческий.

На привокзальной площади толпился народ. Андрей поставил на припорошенный снегом асфальт две большие, тяжелые сумки и закурил. Настя присоединилась к нему, достав из пачки тонкую, длинную сигарету. Оглядела площадь с памятником какому-то неизвестному ей военному.

Площадь замыкалась двумя симметричными полукруглыми зданиями. Между ними шла прямая, короткая улица. Было видно, что она упирается в дом с башенкой и поток машин делился, разъезжаясь в разные стороны – там начинался город, в котором им предстояло прожить определенное время.

– Тебе нравится? – спросил Андрей.

– Пока не знаю, но первое впечатление довольно приятное.

– А что говорит твоя колдовская интуиция?

– Ничего, – ответила Настя сухо, вспомнив стук колес и ощущение чего-то ужасного.

*

Когда последний посетитель, уходя звякнул колокольчиком, Кристина посмотрела на часы и решила, рабочий день сегодня затянулся. Осторожно заглянула в кабинет.

– Господин Виталий, я могу идти?

– Да, конечно, – как всегда по вечерам, шеф сидел в кресле, раскинув руки и устало прикрыв глаза.

Оставаясь одна, Кристина в тайне от господина Виталия несколько раз пыталась отработать эту позу, но кроме приятной расслабленности, переходящей в сонливость, ничего не чувствовала. Хотя это тоже могло быть результатом воздействия «энергетических потоков», только, видимо, текли они вяло, будто вода из плохо закрытого крана, а не «переполняли силой и уверенностью», как ее босса. Впрочем, неудача Кристину не расстраивала. Для нее эти эксперименты являлись, скорее, шуткой, чем попыткой серьезно освоить магические знания – у каждого свое предназначение и нет никакого смысла делать вид, будто можешь объять

необъятное.

Она быстро оделась, потому что охранник Коля уже ждал на крыльце. Они всегда выходили вместе, запирали дверь, а господин Виталий покидал помещение потом, через подъезд, и во сколько это происходило, никто точно не знал.

Бросив обычное «пока», Коля направился к своим «Жигулям», а Кристина остановилась, вдыхая холодный воздух, показавшийся головокружительно пьянящим после высушенной обогревателем атмосферы офиса. Прошел еще один рабочий день. Это радовало, но, скорее, по привычке, потому что никакой усталости она не ощущала. Собственно, чего еще можно желать, если за восемь тысяч сидишь целый день в уютной комнате и читаешь или играешь в карты с компьютером? Это ж кайф, а не работа! Никаких забот, никакой ответственности, если не считать единственного жесткого пункта в трудовом контракте, категорически запрещающего разглашать что-либо, касающееся деятельности салона. А что, собственно, она могла «разгласить», если ничего и не видела? Она даже не имела права входить в кабинет, когда там находились посетители, словно сам воздух на это время должен был пропитываться чем-то несовместимым с естественным человеческим восприятием.

Поначалу, когда она только устроилась в «Колесо фортуны», подруги пытались интересоваться, как же творятся «чудеса», но потом поняли, что сама она не имеет к ним никакого отношения. Интерес угас и теперь они больше расска-

зывали о своих проблемах. Слушая их, Кристине оставалось только завидовать собственной удаче – другие ведь, оказывается, за меньшие деньги парились с балансами или спрятав дипломы, упаковывали лавровый лист в бумажные пакетики.

Уже совсем стемнело. На перекрестке горел одинокий фонарь, а следующий виднелся, аж через квартал, да и то, его свет бесполезно рассеивался в темном небе. Еще около церкви, располагавшейся почти напротив, мерцало несколько тусклых ламп, рождавших на снегу массу неясных теней. А вокруг стояла совсем не городская тишина (из-за отсутствия торговых точек и общественного транспорта ходили тут в основном лишь местные жители); хотя и церковь привлекала определенное внимание, но ее посетители были тихими, почти незаметными.

Мимо проехал Коля. Раньше он постоянно рвался повезти Кристину, но ей почему-то не хотелось этого. Наверное, смущали чересчур накаченные бицепсы и стриженная голова, занятая в основном результатами последнего футбольного или хоккейного (в зависимости от сезона) тура чемпионата. О чем они могли разговаривать? Видимо, спортсмены не бывают «бывшими» – извилины, получившие определенное направление, уже невозможно переориентировать. Хотя, в принципе, и «своего» Максима она выбирала тоже не по интеллекту, но с ним, по крайней мере, было весело. А куда поведет ее Коля? На стадион, чтоб орать «судью на мыло!», напялив клубный шарф?..

Кристина не спеша направилась к остановке, которая находилась за углом, всего метрах в ста от офиса. Мысленно она уже перенеслась домой, планируя предстоящий вечер, который не сулил ничего интересного. Грязного белья скопилось как раз на целый выходной, который элементарно жалко тратить на подобное занятие. Лучше уж вечерами стирать понемногу – так и сушить гораздо удобнее.

Конечно, пока была жива мать, подобных проблем не возникало. Время тогда летело беззаботно и радостно... а, может, дело еще и в другом – тогда ей не исполнилось целых (!) двадцать четыре (ужас!) года. Еще, слава богу, что отец умеет готовить и эту «сверхзадачу» они решают сообща, исходя из наличия свободного времени.

До яркого круга, очерченного светом фонаря, оставалось не больше десяти шагов, когда от часовни, находившейся возле церкви, отделилась темная фигура и быстро направилась к ней. Кристина почувствовала, как внутри екнуло, и ее шаги ускорились сами собой, но свернуть за угол – туда, где ездят машины и на остановке толпятся люди, она не успевала, если только не перейти на позорный бег. Хотя еще б секунда и она, наверное, побежала...

– ...Девушка! Извините ради бога!..

Голос не показался грубым и не нес в себе заведомо агрессивных интонаций, поэтому Кристина остановилась, неуверенно повернув голову. Переступив границу света и тьмы, фигура приняла облик мужчины лет тридцати пяти, прилич-

но одетого, только немного опухшее лицо наводило на мысль о веселом вчерашнем дне.

– Девушка, я видел, как вы вышли из «Колеса фортуны». Вы там работаете?

– И что? – Кристина вспомнила пункт контракта.

– Вы б не могли рассказать мне о господине Виталии? – произнеся это, Женя вдруг понял, что идея, спросонья показавшаяся такой заманчивой, на самом деле, полный бред. Это тогда он бесцельно мерил шагами квартиру и думал, что ждать десяти часов завтрашнего дня, неоправданно долго. Зато как он выглядит теперь? Какой кретин станет отвечать на его дурацкие вопросы? Однако отступать было поздно, ведь завтра, так или иначе, им опять предстоит встретиться...

– А вы кто, чтоб вам рассказывать? – удивилась девушка.

– Я?.. – отвечать требовалось быстро и кроме правды ничего в голову не приходило, – писатель. Пишу мистические романы.

– Что, правда?.. – в школе Кристина читала много, причем, не только школьную программу, но и многое из того, что входит в понятие «классика». Да и попробовала бы она этого не сделать, имея отца – учителя русского языка и литературы!

Потом был период, когда она не читала вовсе, потому что все время поглотил компьютер. Его пришлось осваивать досконально, чтоб устроиться на работу, но придя в «Ко-

лесо фортуны», Кристина вернулась к чтению, правда, как-то незаметно скатилась до пестрых книжек, именуемых модным словом «бестселлер». Произошло это не потому, что они ей нравились, а просто в паузах между телефонными звонками их можно пробегать глазами, ни во что особо не вникая, ни о чем не задумываясь, а окунаясь в легкую придуманную жизнь. И поскольку жизнь была придуманной, то сами авторы тоже являлись для нее некими абстрактными существами, обитающими в несуществующем мире. А как иначе – реальные люди не могут чувствовать ничего подобного...

– Конечно, правда, – Женя обрадовался. Раз она не ушла сразу, значит, ее все-таки можно будет «раскрутить» на какую-то информацию. ...*Может, она даже станет одной из героинь нового романа... если конечно будет хорошо себя вести...* – хотите, купим мою книгу, и я вам ее подарю?

– Серьезно?.. – Кристина растерялась. Сказать «нет, не надо мне ваших книг» выглядело нетактично, но, с другой стороны, зачем она ей? Ведь, определенно, какая-нибудь ерунда. С третьей стороны, никто не мешает ей в последний момент передумать...

– Два года назад вы уже работали у господина Виталия? – спросил Женя, останавливая ход ее мыслей.

– Два года назад и «Колеса фортуны» еще не было! Оно открылось в апреле прошлого года... – чисто профессионально вспомнив один из сегодняшних звонков, Кристина

спросила, – а что произошло два года назад? Похоже, что-то интересное.

– Я не знаю, но *оно* каким-то образом пытается втянуть меня в свой круг.

– Как это «втянуть»? – Кристина ведь даже не представляла, что в действительности происходит за вечно закрытой дверью. Как уборщица, стирающая пыль в кабинете генерального конструктора, не пытается вникнуть в его чертежи и расчеты, так и она знала только телефон, компьютер и книгу регистрации.

Они проходили мимо ярко освещенных витрин, и мужской инстинкт заставил Женю отвлечься, отметив, что наивные глаза и черная прядь, выбившаяся из-под шапочки, делают девушку хорошенькой. Сюжетная линия на миг потеряла актуальность.

– Меня зовут Евгений, а вас?

– Кристина, – ответ последовал автоматически, а через секунду девушка подумала, что обретение имени как-то сразу сближает людей, хотя они того или нет.

– Кристиночка... – начал Женя, но мысленно одернул себя, ведь он пришел совсем за другим романом – романом, в литературном смысле. Мысли вернулись к сюжету, имевшему пока только начало, но этим началом необходимо поделиться, чтоб получить продолжение, и он принялся пересказывать Володину историю, опуская подробности, связанные с водным туризмом, в котором и сам не очень-то разби-

рался.

Незаметно они миновали остановку. Со стороны вряд ли кто-нибудь подумал бы, что эти люди впервые познакомились десять минут назад. К тому же Кристина поскользнулась, и чтоб удержаться, произвольно схватила Женю под руку. Эта рука в белой вязаной перчатке теперь ярко выделялась на черной коже его куртки.

– ...представляете, Кристина, а он в это время находился у меня, а сосед говорит – так он же вчера заходил...

– Так не бывает.

– Но вы ж работаете в магическом салоне, – Женя засмеялся.

– Вы меня разыгрываете, – обиделась Кристина, убирая руку.

– Честное слово, нет!..

Спор прекратился сам собой, потому что они уже входили в широкие стеклянные двери. На первом этаже люди толпились за хлебом, колбасой и водкой, а, вот, второй занимал огромный книжный магазин. Последний раз Кристина заходила сюда несколько месяцев назад за поздравительной открыткой и даже не проходила вглубь зала. Сейчас пестрота обложек, нависавшая со всех сторон, вызвала в ней почти детский ужас, но Женя уверенно подвел ее к одному из стеллажей.

– Вот, – он снял с полки книгу в голубой обложке, – это я. Так что, все правда.

Кристина посмотрела на живого автора с уважением, но веры в рассказанную им историю почему-то не добавилось. Это шло как две разные линии – одна реальная, хотя и почти неправдоподобная, в которой она стоит рядом с настоящим писателем, а вторая... Что говорить о второй? Может быть, таким образом он опробует свои сюжеты? Писатели, они же все чуточку сдвинутые... наверное.

– Хотите почитать?

– В общем-то, конечно, интересно...

– Тогда берем, – Женя сам заплатил и подал книжку Кристине, – пожалуйста.

Не задерживаясь перед творениями конкурентов, они спустились вниз и снова оказались на улице.

– Может, пройдемся?

– Нет, спасибо. У меня дела, – Кристина подумала не о белье, а о том, что на сегодня у нее достаточно впечатлений. По крайней мере, их надо обдумать и решить, выбросить все это из головы сразу или подождать, что получится дальше?
...*В конце концов, на Максиме ведь свет клином не сошелся...*

– Вас проводить? – Женя даже не пытался ее переубедить, и Кристине понравилась такая ненавязчивость.

– Куда? – она улыбнулась, показывая рукой через дорогу, – вон, моя остановка.

– Тогда до завтра, – поймав удивленный Кристинин взгляд, он пояснил, – я записан у вас завтра на десять.

– Ах, это были вы...

– Да, так что еще увидимся.

В сознании Кристины состыковались два крохотных кусочка громадного полотна. ...*Два года назад...* – подумала она, поднимая глаза на красный зрачок светофора, – *значит, это не из сюжета, если он собирается обсуждать происшествие с господином Виталием...* *Еще можно остаться, пока не загорелся зеленый, только, зачем?..* Едва мигнул желтый, толпа увлекла Кристину в узкий проход между недовольно ворчавшими железными монстрами с горящими глазами, а Женя остался стоять на перекрестке, размышляя, что дало ему новое знакомство? Пока, кажется, ничего. ...*Но это ведь только пока!..*

Дома Женю ждала привычная тишина, являвшаяся одним из источников вдохновения. Он достал пачку бумаги и уселся за стол. А чем еще заполнить вечер?.. Тем более, начало романа не требовало никаких размышлений – надо было просто изложить то, о чем они говорили с Володей.

К полуночи Женя добрался до сегодняшнего утра и поездки в «Колесо Фортуны». Отложил ручку, отдаваясь воспоминаниям. Тонкий розовый халат и то, что находилось под ним не давало ему покоя. Нет, об этом он пока писать не будет – это еще слишком личное. Дальше сюжет должен развиваться самостоятельно.

Встал, расслабив, как учили в школе, уставшую руку. ...*Да, черт с ним, с сюжетом!..* – вытряхнул в ведро переполненную пепельницу и закурил снова, глядя в темное окно, –

никогда еще ни одна женщина так не западала мне в душу. Скорее всего, она даже не красива, но тогда что?.. Та же Кристина моложе и, пожалуй, симпатичнее. С Кристиной тоже можно замутить, но та Даша... Имя-то редкое для ее поколения. Это сейчас Даши стали плодиться вместе с Катями и Лизами...

Женя понял, что мысли не приведут его ни к чему хорошему, а свою дневную норму он уже «выписал». Значит, пора спать, а завтра будет новый день и новые мысли. Не спеша, он застелил постель; лег, но сон не шел. Видимо, он выспался днем, пока «отходил» после вчерашнего жуткого застолья. Розовый халатик, словно бабочка, мелькал перед глазами, то распахиваясь и приоткрывая то, что ему никогда не суждено увидеть, то прячась в темноту, и сразу становилось тоскливо и одиноко.

...Я хочу спать... хочу спать... – внушал себе Женя, повернувшись на бок, но от этого ничего не менялось. Он продолжал ощущать себя лежащим в постели с закрытыми глазами... по крайней мере, ему так казалось...

В это время раздался звонок, резкий и неожиданный, тем более, в такое время. Мысль о том, кто это может быть, даже не возникла. Женя соскочил с дивана и не зажигая света, вышел в коридор; не задумываясь распахнул дверь и... зажмурился. Оказывается, ночь царила только в его квартире. Вместо лестничной площадки он увидел целое море темно-красных цветов, которые жеманно склонили головки, на-

поминавшие крупные колокольчики. Внутренне Женя понимал, что этого не может быть, но не задавая себе никаких вопросов, воспринял все как должное.

Дикие тюльпаны уже заняли весь город, поглотив дома, автомобили и людей – только его квартира оставалась чудом сохранившимся уголком прежней цивилизации. Наверное, это противоречило «новому порядку» и цветы лавиной хлынули внутрь, едва не сбив Женю с ног. Он взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие и почувствовал, что это уже совсем не руки – они как-то странно находили в воздухе опору, пытаясь оторвать его от земли. ...*Если я умер и возношусь на небо...* – подумал он безо всякого страха; скосил глаза и с удивлением обнаружил, что крылья вовсе не белые, какими рисуют их у крохотных ангелочков, олицетворяющих души, а широкие и перепончатые, обтянутые грубой кожей. Зато какая в них чувствовалась мощь!..

«Тюльпанная лава» продолжала подниматься, уверенно подбираясь к коленям, однако ее прикосновение не вызывало, ни боли, ни нежности – Женя просто перестал ощущать свои ноги. Если так пойдет дальше, то цветы сожрут его и больше ничего не будет! Он взмахнул огромными крыльями раз, другой... Непривычные движения давались тяжело, но он чувствовал собственную силу. Совсем чуть-чуть и ему удастся вырваться из плена, только куда он полетит?.. Хотя неважно, зато сверху картина станет более понятной.

Напрягая мышцы, сделал еще несколько мощных взмахов

и понял, что отрывается от земли. Звук при этом получился такой, будто из бутылки вытащили пробку. Взглянул вниз – однородная ползучая масса вновь превратилась в море цветов. Странно, чем выше он поднимался, тем отчетливее видел каждый из них.

Его квартиры уже не существовало, как, впрочем, и ничего вокруг – только тюльпаны, не оставившие даже спасительного островка. Повинуясь птичьему инстинкту, он совершил какое-то необъяснимое движение, развернувшись в воздухе и полетел в ту сторону, где скатывался за горизонт кровавый, как огромный тюльпан, солнечный диск. Какое это замечательное состояние – чувствовать себя выше солнца!..

Руки уже освоились с новой ипостасью, и Женя перестал замечать их. Зорко озирая кардинально изменившуюся землю, он думал, куда и зачем летит, и, вообще, кто он такой? Однако эти мысли не были тревожными, словно подсознательно он знал о правильности происходящего, и в нужный момент ему непременно все объяснят. А ненужные вопросы – это так, чтоб занять пустую птичью башку...

Пейзаж не менялся. Иногда Жене казалось, что он стоит на месте и только солнце, смещавшееся влево, доказывало, что он все-таки движется. Сколько продолжался полет, Женя не знал, но это его и не волновало, ибо конечной цели пока не существовало, а усталости он не чувствовал. Руки сами собой выполняли монотонные движения; в голове, цепляясь друг за друга, перемещались все те же глупые вопросы, от-

веты на которые должны прийти сами, без малейших усилий с его стороны. И они пришли. Воздух завибрировал от раската грома, и странный голос, доносившийся отовсюду одновременно, физически заполнил пространство. Первые слова Женя не разобрал, приспособиваясь к этому даже не стерео, а скорее, Dolby-эффекту – сохранилась лишь концовка фразы, имевшая точное и недвусмысленное значение – ...добро пожаловать!..

Женя не понял, куда его приглашают с таким радушием, но тюльпанные поля внезапно оборвались, причем, сразу по всей видимой ширине пространства. Насколько хватало глаз, вниз уходила отвесная стена, образуя бездонный темный каньон. Жене показалось, что он добрался до края земли, однако какое значение это могло иметь для него? (Видимо, птичьи мысли все прочнее укоренялись в голове). ... *Там добыча...* Одного этого оказалось достаточно, чтоб крылья сами собой сложились, и тело камнем устремилось вниз. Инстинкт подсказывал, что не происходит ничего особенного, что он проделывал это тысячу раз, причем, все успешнее и успешнее.

Дно каньона возникло внезапно, выхваченное из тьмы лучом гигантского прожектора – на земле копошились полуголые люди. Их бедра (и у мужчин, и у женщин) прикрывали короткие юбки с горизонтальными полосами. Определить одним словом, чем все они занимались, было невозможно, зато Женины глаза обрели удивительное свойство – в одно

мгновение он успел рассмотреть все великое множество этих примитивных созданий. Причем, самое забавное, что лица оказывались сплошь знакомыми – среди них были те, с кем он работал, включая директора Олега Михайловича, и те, с кем когда-то учился, и даже те, с кем просто ехал в маршрутке. Он, в принципе, не мог запомнить и теперь узнать их, но неосознанно чувствовал, кем был каждый до «нашествия тюльпанов».

Первым делом вычислив Дашу, Женя попытался схватить ее. Память подсказывала, какой аппетитной добычей она являлась тогда, в прошлой жизни. Но Даша успела укрыться за камень и в его когтях (оказывается, и вместо ног у него лапы!) оказался сосед из дома напротив, продавщица из штучного отдела и высокая девица, за которой он наблюдал в кафе позапрошлым летом.

Женя снова взмыл в небо и увидел, что он тут не один – несколько таких же странных птиц тоже вели охоту. У каждой были свои «уголья» и поэтому они не обращали никакого внимания друг на друга. Зато теперь Женя представлял, как выглядит – вылитый птеродактиль, только в искаженном лице еще угадывались некоторые черты человеческого прошлого.

Пока он поднимался, жертвы затихли и это разом унесло ощущение победы. Когда добыча еще трепыхается, ты чувствуешь силу и всю полноту власти над ней, а теперь в лапах был просто неинтересный, безжизненный кусок мяса. Види-

мо, в этом и заключается инстинкт хищника.

Женя уже поднялся над каньоном. На поверхности ничего не изменилось, только тюльпаны чуть приподняли головки ему навстречу. Женя брезгливо разжал когти и три крохотных тела, кувыркаясь, полетели вниз. Стебли тюльпанов жадно вытянулись, вступив в свою цветочную войну за добычу. ...*Так вот, зачем я здесь!.. Чтоб кормить эти прожорливые растения!..*

– Да, – ответил громоподобный голос, – ты раб этого поля. И ты не сможешь освободиться никогда... Никогда!.. Никогда!.. – голос разразился таким хохотом, что цветы закачались под дуновением ветра.

...*Чей это голос?..*

– Ты спрашиваешь, кто я? – голос перестал смеяться, – когда-нибудь узнаешь, но не сейчас. Сейчас ты вновь отправишься на охоту и будешь заниматься этим всю жизнь!.. Всю жизнь!..

Женя послушно сложил крылья и понесся в пропасть, откуда ему навстречу поднималась другая птица, неся очередную порцию пищи. ...*Боже, неужто так будет продолжаться всю жизнь?..* – Женя обратил внимание, что способен думать в то время, как зоркий глаз сам выискивает новые жертвы, – *Кристина... А рядом с ней новый сосед из шестнадцатой квартиры, имени которого я и не знаю... А причем тут имя? Подойдут оба...* – прихватив с земли еще кого-то, он несколько раз взмахнул крыльями.

...И так всю жизнь?!.. – мысль вернулась снова. Видимо, она оказалась настолько мощной, что в «тюльпанном мире» что-то сдвинулось. Он стал тускнеть, растворяясь в окружающем воздухе и приобретая цвет серого утра. Больше Женя никуда не летел; попробовал, как на руках шевелятся пальцы. Сознание же продолжало цепляться за странную жизнь, стараясь сохранить мельчайшие впечатления. Однако, чем явственнее Женя ощущал складки на простыне и ложбинку посередине дивана, тем призрачней становились тюльпанные поля. Когда наконец он открыл глаза, осталось только осознание того, что он *там* был и летал – остальное пропало безвозвратно.

Женя вскочил, бросился к столу, где со вчерашнего дня осталась кипа бумаги и ручка, но понял, что вспомнить ничего конкретного не удастся. ...*А какая глава могла получиться!..* – он вздохнул, опустив голову. Посмотрел на часы, – *в принципе, проснулся я вовремя. Пора собираться к господину Виталию...*

*

Когда стало ясно, что пасьянс в очередной раз не сойдется, Кристине даже захотелось сказать компьютеру: – Раз ты такой вредный, больше я с тобой не играю. Но чем тогда заниматься в оставшееся время? Книжку, которую вчера подарил писатель, она выложила дома и забыла про нее. Навер-

ное, зря. Это была бы хорошая месть «куску железа», считающему себя самым умным.

Кристина привычно вскинула голову на голос колокольчика.

– Кристиночка, доброе утро, – Женя вошел и сразу растегнул куртку, – жарко тут у вас. Я не опоздал?

Девушка скосила глаза в угол экрана.

– Нет, еще пять минут. Раздевайтесь. Вешалка в шкафу.

Открыв дверцу, Женя увидел куртку Кристины и рядом с ней женскую шубку. Он не очень разбирался в мехах и их денежном эквиваленте, но шубка была явно не из дешевых.

– Уютно, – Женя уселся на стул, внимательно оглядывая комнату, – а где же черепа, кабалистические знаки и прочее?

– Это не ко мне, – Кристина скромно пожала плечами.

– А жаль, – Жене хотелось узнать, начала ли она читать книгу, и, в то же время, не хотелось выглядеть слишком назойливым. Он сам еще не знал зачем, но чувствовал, что Кристина обязательно ему пригодится. ...*Нет, это не персонаж, который потребуетя писать с натуры – секретаришу я «вылеплю» и сам, на это много ума не требуется. Значит, дело в чем-то другом, чего я пока не в состоянии понять...*

– Без шапки вы еще симпатичнее, – сказал он, улыбаясь.

– Неужели?.. – довольная, Кристина потупила взгляд. Не часто на рабочем месте ей делали комплементы. Здесь ведь не парикмахерская и не косметический салон, где коротают время в светских беседах – сюда приходят люди, отяго-

ценные неразрешимостью своих проблем и им совершенно безразлично, кто встречает их в приемной.

Но, несмотря на приятное и многообещающее начало, разговор не клеился. Женя вздохнул, посмотрев на часы.

– Три минуты одиннадцатого. Маэстро задерживается.

– Он давно там, – Кристина указала на дверь кабинета, – у него клиент.

– Но мне же назначено на десять, – Женя состроил недовольную гримасу. Нельзя сказать, чтоб он спешил, но это был повод для поддержания беседы – может, он приведет к более интересным темам, – или у вас, как в поликлинике, талончики сами по себе, а очередь сама по себе?

– Не знаю, – Кристина снова пожала плечами. *...Подумаешь, три минуты!.. С другой стороны, странно – господин Виталий всегда укладывался в регламент...* Она тоже взглянула на часы.

...Нет, этой сцены в романе не будет, – подумал Женя, – *это совсем не мистическая ситуация, когда приходится сидеть в очереди. Если присутствует мистика, все должно исполняться по мановению волшебной палочки...*

Словно отвечая его мыслям, дверь резко открылась, и из кабинета появилась девушка, по Жениным меркам, полностью соответствовавшая висевшей в шкафу шубке. Особенно впечатляли густые рыжие волосы в сочетании с огромными зеленоватыми глазами. Подобная комбинация выглядело настолько эффектно, что Женя невольно подумал: ...

И почему вокруг магии всегда крутятся такие шикарные женщины? То ли они видят себя ведьмами, то ли во всем этом и вправду что-то есть... Например, Даша... Да и Кристина, в принципе...

Девушка надела шубку, легким изящным движением освободила волосы, пустив их по плечам нежной волной, и попрощавшись со всеми сразу, вышла. Колокольчик звякнул, и Женя почувствовал, что в комнате стало как-то пусто. Кристина уже не занимала мысли, превратившись в атрибут салона, а вот, та, исчезнувшая пери... Возникло даже желание плюнуть на господина Виталия и броситься вдогонку, но ...*что-то я начинаю дергаться по поводу каждой юбки. Наверное, Татьяна здорово заработалась...* – однако он тут же нашел достойное оправдание, – *это не я, это все для романа – надо же собирать типаж!*.. – успокоенный, Женя вновь повернулся к Кристине.

– Можно заходить?

– Сейчас узнаю, – девушка встала из-за стола.

Женя отметил, что ее юбка имеет самую оптимальную длину для того, чтоб подчеркнуть стройность ног, а вчера на ней были широкие брюки, значительно ухудшавшие восприятие. ...*С чего это она так вырядилась?* – подумал он, лясь самому себе. Откуда он мог знать, что брюки уже третью неделю предполагалось отправить в стирку, и пока нет сильных морозов, для этого наступило самое подходящее время.

– Господин Виталий, – Кристина привычно обратилась к креслу, но там никого не оказалось. Удивленно обвела взглядом кабинет и обнаружила хозяина в совершенно неожиданном месте – вместо того, чтоб «подзарядиться», он стоял у окна и задумчиво взирал на улицу, чуть раздвинув жалюзи, – господин Виталий...

Он обернулся, и Кристина растерянно замолчала – пустой, отсутствующий взгляд говорил, что он с трудом пытается вспомнить, кто же стоит перед ним.

– У нас сегодня много народа? – наконец произнес маг.

– Нет. Один ждет и еще двое должны подойти.

– Никого больше не записывай. Сегодня у нас сокращенный день. Все завтра, поняла?

– Да. А что...

– Приглашай, кто там есть, – не дав развить мысль, он взглядом вытолкнул Кристину за дверь.

– Заходите, – девушка опустилась на стул, приходя в себя после «толчка». Никогда еще шеф не обращался с ней так грубо.

Женя вошел. Собственно, человека стоявшего у окна он не увидел – одни глаза, словно высасывавшие всю его сущность. Мгновенно пропали не только фразы, которые он заготовил дома, но даже сами мысли, их побудившие. Он стоял, с трудом пытаясь сообразить, зачем пришел. ...*Какой тут роман – не только придумать, но даже описать этот взгляд невозможно!..*

– Садитесь, – равнодушно предложил хозяин.

– Нет, ничего... все нормально... – Женя судорожно собирал разбегавшиеся мысли, но все они казались смешными и примитивными, недостойными устремленных на него глаз.

– С чем вы пришли?

...Как я скажу, что хочу видеть перстень с зеленым камнем и узнать его историю? Этот взгляд уничтожит меня; превратит в пепел!.. И это будет совсем не метафорой...

– Я ошибся, у меня все хорошо... – Женя попятился к выходу и вновь оказываясь в приемной.

Кристина видела, как «писатель», будто зомби, открыл шкаф, надел куртку (при этом шарф так и остался торчать в рукаве, делая правую руку гораздо толще левой) и не прощаясь, вышел. Она не поняла, что произошло, но такого за все время ее работы еще никогда не случалось. Девушка вжалась в стул, неотрывно глядя на погасший экран монитора, так как боялась увидеть в комнате нечто ужасное.

А в это время маг закрыл лицо руками и глубоко вздохнул. *...Кто же это такая и зачем приходила? Для нее моя защита, что яичная скорлупа. Я не видел у людей такой мощи... впрочем, у людей ли?..* – он подошел к колесу Фортуны.

Разделенный на сектора круг напоминал барабан из программы «Поле чудес», только вместо очков, по окружности стояли буквы. Сложив из них слово, можно было сказать о человеке гораздо больше, чем, например, невнятные цыганские толкования. А здесь, слово не то, чтоб не складыва-

лось – его не существовало вовсе! Куда б не металась стрелка, хоть в прошлое, хоть в будущее, она замирала в единственном пустом секторе.

...Прошлого не бывает у новорожденных; будущего – у смертельно больных, но чтоб, ни того, ни другого одновременно?.. Значит, и человека этого быть не должно, хотя она только что сидела здесь и смотрела на меня своими ужасными глазами...

*

Женя пришел в себя, только когда слетел по лестнице, чуть не грохнувшись на скользких ступеньках. По инерции пробежал еще несколько шагов и остановившись, подозрительно оглянулся. В приемной, где сидела Кристина, по-прежнему горел свет, а вдоль дома медленно двигалась бабушка с внуком. Несмотря на негромкий голос, эхо пустой улицы доносило до Жени рассуждения о том, что нельзя питаться одними чипсами, а чтоб стать сильным, непременно надо есть кашу.

...Какая чушь! Причем тут каша? Она даже не понимает, как опасно здесь ходить... В это время ударил колокол. Это было так неожиданно, что Женя вздрогнул; невольно вскинул глаза к небу, но оно по-прежнему оставалось непроглядно серым. *...Нет, Бог здесь не при чем,* – он перевел взгляд на тускло поблескивавший шпиль колокольни, скры-

той за массивным ансамблем храма.

Колокол ударил еще раз, потом еще, с равными промежутками времени. От его звона воздух завибрировал, наполняясь непонятым трепетом. Женя никогда не думал, что обычный звук может оказывать такое воздействие. Он будто притягивал внимание, концентрируя его на чем-то глобальном, заставляя забыть не только шустрюю бабульку и прочие мелочи, но даже господина Виталия, хотя еще минуту назад казалось, что он никогда не сможет избавиться от пережитого там ужаса. Гулкие протяжные раскаты переносили в какое-то другое время, когда храм, наверное, являлся самым высоким сооружением города, потому что еще не существовало, ни телебашни, ни многоэтажных домов, похожих на клетки для перевозки птиц. ...*Странная ассоциация, но ее можно использовать в новом романе... Почему я никогда до этого не слышал «живых» колоколов? – подумал Женя растерянно, – ведь у нас столько церквей, и я столько раз ходил мимо них!.. Возможно, Бога, как такового и не существует, но есть в этих звуках, да и в архитектуре нечто величественное, относящееся к недоступному для понимания миру. Хотя почему?.. Это такое же творение человеческих рук, сложенное из кирпичей по проекту неизвестного (а, может, и известного) архитектора, и колокола отливал какой-то мастер. Как странно все переплетается...*

Женя понял, что не может ответить на простейший вопрос, касающийся отношений с колокольным звоном, так же

как не может объяснить нечеловеческого взгляда человека, стоявшего у окна в обычной комнате обычной квартиры, расположенной в обычном пятиэтажном доме. Ему очень захотелось покинуть этот замкнутый круг – неизвестно, удастся ли отделаться от последующих мыслей, но покинуть хотя бы физически, чтоб не видеть серое крыло козырька над входом, не слышать звуков, вмиг делающих тебя маленьким и беспомощным, как слепой котенок. Он повернулся и пошел к автомобилям и людям, метавшимся в поисках новогодних подарков.

Некая главная мысль, вынесенная из сегодняшнего визита, еще не оформилась в слова, но он чувствовал, что она есть, однозначная и не терпящая возражений. Окончательно Женя понял ее смысл, лишь вернувшись домой. Оказывается, сегодня он получил даже больше, чем хотел. Вместо сюжета никому ненужного романа, он вынес очень ценное знание – не стоит соваться в систему, в которой ничего не понимаешь. Разобраться же в ней человеку не дано и придумать достоверную версию происходящего тоже невозможно. Таким образом, все сверхзадачи упраздняются сами собой и надо всего лишь исполнять то, на что изначально запрограммирован человек – просто жить.

Он решительно взял телефон и набрал знакомый номер.

– Добрый день. Татьяну Георгиевну можно услышать?

– Это я.

– Не узнал. Скоро богатой будешь.

– Жень, мне сейчас некогда. Что ты хотел? – ее деловой тон не сулил ничего хорошего.

– Я соскучился. Может, вечером встретимся?

– Ты с ума сошел, – Таня рассмеялась, – я сижу тут до девяти вечера, а потом прихожу домой и падаю. Не думаю, что тебе будет приятно спать с трупом.

– Но завтра ведь суббота?

– Какая суббота, Женечка? Пока не сверстаем год, нет у меня ни суббот, ни воскресений. Что это вдруг на тебя нашло?

– Да, так... Ладно, работай, – он положил трубку. ... *И что?.. Стоп! Завтра суббота...* Радостно набрал другой номер, – Слав, привет. Как там рыбалка? Ничего не изменилось?

– Ну, слава богу, в нашем полку прибыло, – трубка довольно хмыкнула, – решил наконец-то приобщиться к мужскому отдыху? Мы собираемся завтра утром. Поедешь?

– Поеду.

– Кстати, я книжку твою купил. Правда, не читал еще, но на следующей неделе начну.

Женя с удивлением обнаружил, что это известие его совершенно не взволновало. Он трепетно ждал целую неделю, а теперь получалось, будто ему напомнили о детской шалости, которую он давно перерос, став взрослым и серьезным человеком.

– Почитай, – (не мог же он сказать «да, выброси ты ее»), –

так что мне с собой брать?

– А что у тебя есть? Бери водку и жратвы. Ватные штаны и куртку я тебе дам; удочку найдем; лунку пробуруем.

Женя понял, что ничего особенного от него не требуется, кроме стандартного набора для «вылазки на природу», но зато возник встречный вопрос. Переезжая с одного берега водохранилища на другой, он постоянно видел черные фигуры, склонившиеся над дырками во льду, как стайки голодных птиц, и с трудом представлял, как будет выглядеть «пикник» среди этого мрачного молчаливого азарта.

– Вы у какого моста обычно ловите? – спросил он.

– Ты офигел!.. – Слава рассмеялся, – ершей тягать – это пошло. Они бензином так воняют, что даже кошки не жрут. Мы выезжаем километров за сорок от города. У Мишки там домик на берегу, банька. Хочешь – паришься, хочешь – рыбу ловишь, хочешь – просто водку пьешь. Сам увидишь, как там классно. Полноценный отдых. Завтра часиков в десять мы за тобой заедем.

Женя положил трубку и понял, что, оказывается, кроме надоевшего компьютера и придуманных ведьм, существует другая жизнь – реальная, со своими простыми радостями. Теперь предстояло сходить в магазин, потом найти толстый черный свитер, за ненадобностью запиханный куда-то еще пару лет назад, потом... потом останется смотреть телевизор и ждать утра.

Ужин остыл уже во второй раз. Даша решила не разогревать его снова, пока не раздастся знакомый щелчок ключа в двери. Она все успеет, ведь сначала Виталий, как всегда, примет душ, смывая «негативную энергию», оставленную за день посетителями. Даша никак не могла понять, как это происходит. Причем здесь энергия, если мыло, в ее понимании, способно смыть только грязь? Значит, энергия осязаема и размазана по телу тонким незаметным слоем? Но тогда почему она ее не ощущает?.. Хотя, если бы это было единственным, чего она не понимала. По словам мужа, например, самые обыкновенные вещи могли обладать колоссальной силой воздействия. Но каким образом? Ее филологического образования не хватало для осознания подобных ненаучных понятий.

Когда Виталий перебрался в «Колесо фортуны», множество странных предметов сразу исчезло из дома, перестав будоражить воображение, возбуждать инстинкты и неясные желания. Квартира, наконец, обрела уютный домашний вид, и Даша перестала задумываться о том, что происходило там, куда все эти вещи перекочевали. Ее муж просто приходил с работы, как тысячи других, усталый, но удовлетворенный. Его надо было накормить, приласкать, по возможности, отвлечь от дневных забот, а взамен получить нечто светлое,

наполняющее трепетом душу и тело. Причем, совершенно не важно, откуда берется это ощущение счастья, появляющееся в доме вместе с поворотом ключа – из-за отношения самого Виталия или от тех манипуляций, которые он проделывал с остальными людьми. Оно присутствовало неизменно, и Даша с удовольствием ежедневно погружалась в него, как в теплую ванну с нежной пеной.

Обычно Виталий никогда не задерживался. Он говорил, что работать дольше у него просто не хватает сил. Наверное, так и было, потому что после ужина он ложился на диван и только через час вновь обретал способность улыбаться, а его руки и губы... Даша вздохнула – ей ужасно не хватало их. ...*Странно*, – подумала она, – *неужели любовь все-таки наркотик?.. Чем больше потребляешь, тем больше хочется...*

О том, что с Виталием могло что-то случиться, она даже не думала, потому что с ним никогда ничего не случалось. Он не болел, не попадал в аварии, не застревал в лифте и даже не стоял в очередях – очереди, вроде, рассасывались сами собой, едва он принимал решение что-либо купить. Тогда где же он мог быть?..

На работу Даша звонила редко, так как Виталий постоянно говорил, что его отвлекает каждый звук, каждое постороннее движение, и вернуться потом в нужное состояние крайне сложно. Даже если требовалось передать какие-то просьбы или поручения, в основном, приходилось общать-

ся с Кристиной. Это не напрягало, но ведь не все удобно передавать через секретаршу, поэтому Даша просто старалась справляться своими силами. А, собственно, чем еще ей было заниматься целый день? Тупо и бесцельно ждать «благодетеля»? Это не только бессовестно, но и элементарно скучно.

Даша в раздумье подняла трубку. Повод был достаточно веским, ведь часы показывали почти девять. Длинные глухие гудки выплывали из тишины, словно морские волны монотонно накатывающиеся на берег – пять... шесть... Даша решила, что дождется десятого, но в трубке неожиданно щелкнуло.

– Слушаю, – голос показался резким и недовольным, совсем не походившим на Виталия.

Даша растерялась. Ее мысли убежали дальше, прикидывая, где муж может находиться, кроме офиса, однако в следующее мгновение она почувствовала, как привычная волна радости накрывает ее существо. Так случалось всегда, была ли то улыбка, голос, прикосновение или просто знакомый запах геля после бритья. Значит, несмотря на странный голос, это все-таки он.

– Милый, ты где? Уже поздно; я волнуюсь.

– Работаю.

– Сейчас девять. Извини, но я, правда, волнуюсь.

– Все нормально. Часа через два приеду. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже... приезжай скорее, – Даша задумчиво положила трубку, почувствовав при этом не ревность и даже

не обиду за то, что ее забыли предупредить, а совершенно неизвестное ранее чувство тревоги. Раз жизнь может так запросто сбиться с привычного круга, значит, ей ничего не стоит и вообще покатиться под откос. Боже, какая глупость!.. Даша мотнула головой и ей показалось, что неприятные мысли полетели в разные стороны, как брызги с мокрой собаки.

...Жизнь не может укладываться в схему, – подумала она, – а у меня она настолько гладкая, что любое изменение невольно кажется трагедией и вызывает страх. Все нормально, все нормально... Она прикрыла глаза и попыталась представить себя внутри блестящего цилиндра, который начал бесшумно раскручиваться, выстреливая яркими бликами – Виталий говорил, что это лучший способ защиты от всех негативных эмоций. Скорость вращения увеличивалась и все, что находилось вне тесного замкнутого пространства, разлеталось под действием непреодолимой центробежной силы, возвращая внутреннее состояние покоя и умиротворения...

Положив трубку, Виталий вздохнул. Почему он отвел себе именно два часа? Можно просидеть здесь еще много часов, но так и не прийти ни к какому решению. А что, если его дар иссяк и с завтрашнего дня он превратится в обычного шарлатана, чьими объявлениями кишат страницы городских газет?.. Нет, он чувствовал свою прежнюю, независимую от естества силу, но к ней примешивалась чисто че-

ловеческая растерянность оттого, что нашлось нечто сильнее него, и пути их пересеклись. Все происходит неспроста – это аксиома. А если так, то что он должен совершить дальше? Вступить в бой и победить? Или проиграть? Или можно просто уйти с дороги непонятого существа без прошлого и будущего? Почти три часа он бился над этой проблемой, используя весь арсенал своих знаний, но то, что обычно подсказывало ему решения, на этот раз молчало. Неужели ему самому доверено сделать выбор? Но зачем, ведь он лишь «транслятор»? Так определяется его место... или не так?

Маг оглядел кабинет, ища вариант, который еще не использовал, но не нашел такового. ...*Значит, и правда, пора ехать домой*, – решил он, – *в конце концов, ничего не произошло – просто я убедился в существовании чего-то мне не подвластного. Может, это лишь «щелчок по носу», чтоб не зазнавался?..*

Он встал, не спеша оделся и выключив свет, вышел на улицу. Хотелось пройтись пешком, но оставлять машину в чужом дворе неразумно даже для мага, ведь он работает с людьми, а заколдовать кусок железа, наверное, не под силу никому. Нехотя сел за руль и завел двигатель. Ожидая, пока тот прогреется, наклонился вперед, вглядываясь в тусклое пространство и увидел возле дверей храма фигуру в рясе и характерной шапочке, похожей на колпак. Он просто мигнул фарами, и фигура неожиданно ответила, приветливо подняв руку. Этот странный контакт заставил Виталия вы-

лезти из уютно урчавшей машины. Зачем, ведь каждый день одетые в рясы люди проходили под его окнами, но почему-то раньше никогда не возникало желания заговорить с ними.

– Что тебя мучит, сын мой? – голос священника звучал тихо и ласково.

– Меня?.. – Виталий вдруг подумал, что «мучит», самое подходящее определение его состоянию. По большому счёту, ведь не ничто не мешало ему жить как раньше, но появление этой женщины, именно, мучило, откуда-то изнутри вгрызаясь в душу, то ли страхом, то ли сомнением.

– Сын мой, – священник улыбнулся и добрые морщинки возникли вокруг его глаз, – только человек, проводящий время в постах и молитвах, способен творить именем божьим.

– А причем здесь это? – Виталий не хотел обсуждать свою деятельность. Он вообще не хотел ничего обсуждать и совершенно не понимал, почему вылез из машины, хотя собирался домой, – раз у меня получается помогать людям таким образом, я использую эту возможность. Разве я не прав? Разве надо сначала понять природу преподнесенного дара, а лишь потом использовать его?

– Природу дара нам понять не дано. Мы можем только чувствовать снизошедшую благодать, либо носить в себе греховные цели и помыслы. Если ты не чувствуешь, ни того, ни другого, значит и дара никакого нет. Может, это тебя и мучит?

– Нет, не это. Я ощущаю себя в гармонии с миром и этого вполне достаточно. А мучит меня другое – мне показалось, будто я встретил существо, способное разрушить гармонию. И что теперь делать, я не знаю.

– Оно искушало тебя? – тон священника сделался деловым.

– Нет. Оно просило определить будущее, а я не смог. Согласно моим знаниям, у него нет будущего. Тогда я попытался прочесть прошлое, но и прошлого у него не было. Потом существо исчезло. Не растворилось в пространстве и не вылетело в окно, а ушло ногами, глядя на меня смеющимся взглядом.

– Это и есть искушение, – священник вздохнул, – оно хочет, чтоб ты искал его, стремился к нему. Тебе будет казаться, что ты путем познания идешь к истине, а на самом деле, ты будешь жаждать лишь встречи с ним.

– С ней, – поправил Виталий, – это была женщина.

– Естественно, женщина. Ведь все мы ищем свою единственную половину.

– Я никого не ищу. У меня есть та, которую я люблю.

– Счастье, если ты нашел предопределенное Богом соответствие. Но учти, дьявол всегда может предложить нечто большее, которое однажды покажется прекраснее того, чем ты обладаешь по божьей воле; ты можешь даже не успеть понять, как сгоришь в адском пламени. Помни об этом, – священник неожиданно приоткрыл дверь и скрылся в храме.

Виталий инстинктивно последовал за ним, но дверь не поддавалась – ее будто заперли изнутри, хотя ни скрежета засова, ни звука поворачиваемого ключа не было слышно. Несколько секунд он простоял в раздумье, потом обернулся; увидел горящие габариты своего «Вольво» и вспомнил, что спешит домой. ...*Странно, почему я решил заговорить со священником? И почему он исчез так внезапно?.. И о каком искушении он говорил?.. У меня и в мыслях не было воспринимать ее как женищину – это совсем не то, что меня мучит...* Он вернулся к машине и включив фары, осветил темный силуэт церкви. ...*Нет, Бог там не живет. Бог живет только в нас самих...*

Даша встретила мужа в коридоре.

– Что случилось, милый?.. – ее глаза излучали любовь, словно говоря, что ничего случиться не может, пока он здесь, живой и невредимый.

– Все нормально. Просто задержался, – Виталий решил не обременять ее своими сомнениями.

– Какой ты холодный!.. – Даша засмеялась.

– Так, зима. Пока от гаража дошел... – Виталий обнял ее. ...*О каком искушении можно говорить, если без этой женищины жизнь скучна и бессмысленна, а все их проповеди построены на жестких канонах и никогда не смогут вписаться в реальную ситуацию. Конечно, проще читать притчи вековой давности, предоставляя каждому право подгонять их*

под свою жизнь...

– Ужинать будешь? – Даша вторглась в уверенное течение его мыслей.

– Конечно, – Виталий привычно направился в ванную.

Теплый душ возвращал силы. Возникла даже крамольная мысль, что он в чём-то ошибся, совершая действия с колесом фортуны – такая робкая, но удобная мысль...

– Все готово! – Даша тихонько постучала в дверь.

– Иду, милая, – он быстро вытерся и распахнул дверь.

– Мой чистый и душистый... – Даша обняла его, – я люблю тебя и так соскучилась, будто мы не виделись целую вечность.

– Ну, не вечность... – Виталий улыбнулся. Состояние мировой гармонии восстановилось, и даже запах жареного мяса являлся ее неотъемлемой частью.

*

– Женька! Время десять! Мы ждем у подъезда!..

Положив трубку, Женя выглянул в окно. На белом снегу выделялся ярко синий прямоугольник. Он видел эту машину еще пять минут назад, но не знал, что ожидает она именно его. Подхватив с вечера собранный пакет, он выскочил на улицу.

В салоне сидело трое, но, кроме Славы, он никого не знал. Втиснувшись на заднее сиденье, Женя погрузился в тяже-

люю атмосферу застарелого табачного дыма, пропитавшего, казалось, даже металл. Водитель оказался Мишей, хозяином заветного домика на берегу; второй незнакомец представился Алексеем – пожав протянутую руку, он снова отвернулся к окну. Женя тут же решил, что и не обязан набиваться к нему в приятели.

– Ну, трогай! – скомандовал Миша самому себе, и переваливаясь на ледяных кочках, машина выползла из двора.

– Слушай, – Слава, сидевший рядом с водителем, обернулся к Жене, – ты действительно никогда зимой не ловил?

– Я и летом-то не особо ловлю, – Женя засмеялся.

– Ты даешь, однако...

Пока он подробно объяснял технику лова, машина уже выскочила на трассу и заняла правый ряд. Она так тряслась и дребезжала, что Женя с трепетом ждал, когда начнут отваливаться детали, но остальные, видимо, давно привыкли к такой езде. Никто даже не возмущался, что их обгоняют все, включая старенький «Москвич» с закрытым брезентом прицепом.

– Ремонтировать надо «ласточку», – пояснил Миша, перехватив Женин взгляд, устремленный на спидометр, – а руки все не доходят. Пока ездит, и ладно. Вот, сломается окончательно, тогда и буду заниматься.

– Шутки у тебя, боцман, – заметил Алексей.

– Здесь места людные – до города дотащат, – Миша рассмеялся так весело, словно встать в чистом поле явля-

лось для него долгожданным романтическим приключением, но остальные молчали – видимо, каждый представил возможный ход событий, и процесс ужения рыбы сразу отодвинулся на второй план.

А за окном уже плыли однообразные засыпанные снегом поля. Машина, свернула на накатанную колею, оставив без внимания редкие деревья, «голосовавшие» на обочине. Женя давно отвык от таких светлых, праздничных пейзажей. *...Если бы я писал роман, то наверняка вставил бы туда эту картинку,* — подумал он с легкостью, ведь главным являлось словосочетание «если бы», потому что этого больше никогда не будет. Как оказывается хорошо смотреть в окно и просто понимать, что это красиво, а не стараться мысленно облечь видимую красоту в образы, скомпоновать фразы, чтоб донести их до бумаги, – *нет, обычная жизнь, определенно, проще и приятнее...*

– Кстати, – Слава вновь обернулся, – я вчера начал твою книжку. Прочитал, правда, страниц пятьдесят, но мне нравится. Особенно девка классная. Это ты с кого писал?

– Не знаю. Ни с кого.

Подобные вопросы всегда загоняли Женю в тупик своей примитивной наивностью. Как объяснить людям, неспособным к творчеству, что описывать можно не только происшедшее с тобой или твоими знакомыми, но и самому придумывать героев? Это же совсем не сложно – главное знать, чего ты от них хочешь.

– Слава говорил, что ты книгу написал, – Миша на секунду отвлекся от дороги, – я думал, какая-нибудь брошюрка, а сегодня он показал... знаешь, впечатляет. Прямо в твердой обложке!.. Хоть на полку ставь. Когда вернемся, я тоже куплю. Подпишешь мне на память о сегодняшней рыбалке?

– Без проблем, – при этом Женя подумал, что, возможно, все-таки сядет за новую вещь. ...*Бог с ним, с господином Виталием. Ведь сумел же я написать первую вещь, не соприкасаясь лично со всеми «темными» и «светлыми» силами. Достаточно приложить определенную долю фантазии, и все получится. А всякие маги пусть живут своей жизнью...* Он попытался представить устремленные на него пронзительные глаза, но они показались далекими и размытыми, а во все не пугающими.

Мысли невольно вернулись к уже написанному началу. ...*Но как же Вовка рассказал свою историю, если не приезжал ко мне?..* – этот первый же вопрос возвращал страх перед неизвестностью, в которую совсем не хотелось окунаться, и тут, весьма кстати, Алексей резко повернул ход его мысли.

– Похоже, зря мы сегодня едем, – сказал он, продолжая глядеть в окно, за которым пробежали совершенно безобидные заборчики пионерских лагерей. Что там размещалось в настоящее время неизвестно, но одноэтажные корпуса, расписанные изображениями веселых детей и смешных зверушек, сохранились в довольно приличном состоянии – за-

метенные снегом под самые окна, они оставляли какое-то сказочное впечатление.

– Почему зря? – не понял Женя.

– Оттепель с дождем была, а теперь прихватило. Наст – можем и не пробиться к реке.

– Это ни есть хорошо, – согласился Миша, – но пробовать надо – уже ж почти приехали.

За поворотом, прямо посреди поля, выстроилась на обочине колонна из десятка машин, и Миша занял место в хвосте. Водители что-то бурно обсуждали, указывая в сторону соснового бора, начинавшегося метрах в полукилометре от дороги.

– Пойду, послушаю, – Миша вылез из машины, – идем, Слав.

– По-моему, пора заворачивать к дому, – бросил им вслед Алексей, устраиваясь поудобнее. Жене не хотелось с ним оставаться, и он предпочел выйти с остальными. По большому счету, ему было все равно, доберутся они до реки или нет.

– Здорово, мужики! – Слава приветственно вскинул руку, – неужто не проедем?

– А ты попробуй! Вон, Витек на двух мостах, и то встал. Еле обратно вытолкали.

Женя подошел к «голове» колонны и увидел широкую, неровную колею. Пушистый снег смешался с толстыми кусками льда, торчащими вертикально, как торосы. Колея уходила в направлении леса метров на тридцать, а за ней начи-

налась ложбина, блестящая и гладкая, похожая на желоб для бобслея; когда-то она являлась дорогой, но ездили по ней еще до оттепели, и как это не прискорбно, Алексей, пожалуй, был прав.

Женя подумал, что вернуться домой с литром водки, вареной картошкой и неизменной курицей – это совсем не страшно. Гораздо хуже, что там его ждала ненавистная пачка бумаги и больше ничего, а здесь – легкий прозрачный воздух, запорошенные сосны на белой равнине, за которой скрывалась замерзшая река... Между этими понятиями существовала огромная разница.

– Может, рискнем? – предложил Миша.

– Останешься без глушителя, – Слава усмехнулся.

– Так нам только до леса добраться. Там, я по опыту знаю – и снега меньше, и дорога под горку. Дотолкаем, в случае чего.

– Трактор бы... – Женя посчитал необходимым внести и свою лепту в решение вопроса.

– Трактор-то есть. После пурги он всегда нам чистит дорогу, но Вовки, который знает, где тракторист живет, сегодня нету.

– Я примерно представляю, где это, – Слава воодушевился, – Блин!.. Давайте скинемся по полтиннику с машины, а? Идем, с мужиками потолкуем.

«Мужики» согласились сразу, и собрав деньги, Слава ука-тил на «Ниве» вместе с Витьком, а остальные разбрелись

по машинам, поглядывая на часы. Отряхнув с ботинок снег, Женя уселся на Славино место.

– Трактор поехали искать, – он повернулся к Алексею.

– Это без толку, – тот махнул рукой, и не начавшись, беседа закончилась. Женя вперился взглядом в застывший пейзаж. Мысли о том, какие события могли бы разворачиваться на его фоне, сами лезли в голову, но он упорно гнал их, стараясь сосредоточиться на тракторе; на том, как вытащит свою первую рыбку и какой она будет...

Через час стало скучно, и все снова собрались вместе, вспоминая свои рыбацкие успехи, однако в новинку эти рассказы были, разве что, Жене, поэтому тема быстро иссякла, уступив место сначала автомобилям, а потом женщинам. Еще через час все снова разбрелись, чтоб перекусить. Счастливые пассажиры открывали припасенную водку, виновато глядя на глотавших слюну водителей. Если б точно знать, что трактор придет, тогда другое дело – тогда можно было б и им «принять для бодрости», ведь до вечера все проветрится...

«Ауди» и белая «восьмерка» не выдержали первыми. Развернувшись, они медленно, словно нехотя, поползли в направлении города. Миша продолжал покорно сидеть, положив руки на баранку – с трактором или без трактора, но Славу они обязаны дожидаться.

Начинало смеркаться. Поняв, что рыбалка все-таки не состоится, машины одна за другой покидали колонну, и скоро Мишины «Жигули» остались в гордом одиночестве.

– Может, случилось чего? – Алексей нарушил почти получасовое молчание, – пока светло надо поискать их. Не ночевать же здесь?

– Поехали, – равнодушно согласился Миша. Казалось, ему было уже абсолютно все равно, куда и зачем ехать. Однако стоило им развернуться, как на дороге появилась белая «Нива».

– Это они! – Женя вытянул вперед руку.

– Давно б так, – пробормотал Миша, – а то, как за столом – пока рюмки не поднимешь, последний гость не придет.

Исходя из того, что никакого трактора на горизонте не было, вопросов о результатах экспедиции не возникало. Миша остановился, ожидая, пока Слава вернется к экипажу, а «Нива», высадив его, развернулась и через минуту скрылась из вида, сделавшись частью снежного ландшафта.

– Холодно у него там, – Слава залез на заднее сиденье.

– Где ж вы катались столько времени! – возмутился Миша.

– Спроси лучше, где мы не катались, – от Славы исходил характерный запах самогона и чувствовалось, что ему гораздо веселее, чем остальным, – Петька, тракторист этот, пьяный в дым, но дал еще несколько адресов. Похоже, мы все деревни в округе объехали, но деньги никому не нужны. Кто пьяный, кто сраный...

– И что, едем домой? – Миша решил, что рассказы можно слушать и по дороге.

– Погоди, мужики, – Слава заговорщески подвинулся к переднему сиденью, – есть идея. Во-первых, завтра с утра дорогу пробьют – это мне конкретно пообещали; а, во-вторых, представляете, какой облом – со всеми харчами, с водкой сейчас заявиться домой! Жены нас не ждут опять же...

– И что? – перебил Алексей. То ли его задела фраза о женах, то ли он устал сидеть в машине и просто хотелось, чтоб все это поскорее закончилось.

– Я предлагаю устроить пикник без рыбалки.

– Где? – не понял Миша.

– Вон, лагерей-то сколько! Я думаю, сторожа там должны быть. По крайней мере, людей я видел. Авось, приютят на ночь. Представляете, пионерское детство вспомним!.. Костер разведем, песни погорланним!.. – не получив поддержки, он продолжал с гораздо меньшим энтузиазмом, – мужики, ну, чего дома-то делать, раз уж настроились?..

– Я не против, – первым высказался Женя, которому тоже не хотелось домой.

– По мне, так можно и остаться, – Миша пожал плечами, – а что? Все у нас с собой, зато завтра будем первыми. У камышей, где окунь хороший всегда стоит, навертим лунок, а то в последнее время, как ни приеду, все там уже занято.

– Не, мужики, я так не люблю, – Алексей вздохнул, – кончится тем, что придется спать в машине. Лучше я завтра с кем-нибудь приеду – вы мне место забейте. А сейчас подбросьте до автобуса, и поеду я домой.

– Дело хозяйское, – Миша завел двигатель, – но я считаю, нам главное что? Не рыбы наловить, а от жены смыться, – все дружно рассмеялись.

Ехали медленно, внимательно осматривая засыпанные снегом домики за низенькими заборами, но лишь к одним из ворот вела аккуратно расчищенная дорога. Над входом возвышалась сваренная из труб арка с названием «Ла... точка» – буква «с» упала и всем понравилось новое смешное название.

– Вот, – Слава указал в окно, – в «Латочке» я и видел мужика.

Настроение сразу поднялось – вроде, четыре часа не потеряны впустую, а были даны на раздумья, чтоб, в конце концов, прийти к этой не самой плохой идее.

– Значит, нам туда дорога; значит, нам туда дорога... – пропел Миша, прибавляя газ. Ему, как и остальным, хотелось поскорее отвезти Алексея, чтоб перейти к заслуженному отдыху, но получилось все не так быстро, как хотелось, и к заветной «Латочке» они подъехали, уже в сумерках. Замка на воротах не было, и сквозь прутья с приваренными к ним металлическими звездами, виднелись следы протектора, сворачивавшие за небольшой домик с единственным освещенным окном.

– Похоже, охрана тут неплохо живет; на тачках разъезжает... – заметил Слава.

– ...или мы не самые умные, – Миша вылез из машины.

Створки ворот со скрипом распахнулись, и этого звука оказалось достаточно, чтоб из сторожки появился человек в телогрейке. Когда он спускался с крыльца, стало заметно, что он слегка прихрамывает.

– Вам чего? – сторож остановился на безопасном расстоянии.

– Понимаешь, отец, – уважительно обратился Миша, хотя и не мог в полумраке определить возраст хозяина, – у меня тут домик на берегу, но мы не смогли проехать туда. Не приютишь на ночь? Если надо, мы заплатим. А хочешь, стакан нальем.

– Чего ж не приютить? – сторож закурил. Чувствовалось, что ему приятно быть хозяином, когда все зависит только от его воли, – только, хлопцы, там холодно. Корпуса-то не отапливаются.

– Не замерзнем, – Миша махнул рукой, – мы ж – рыбаки, да и запас «горючего» изрядный. Нам нужна только крыша, стол, стулья и стаканы.

– Тогда пошли. Машину оставь здесь – дальше не поедешь.

– А это? – Миша ткнул в следы колес, исчезавшие за домом.

– Там уже занято. Хотите, могу лопаты дать и чистите. Разбивать корку наста, а потом еще долбить слежавшийся снег в планы не входило, но, на всякий случай, Миша спросил:

– А тут ее не растащат?

– Кому она нужна, железяка ваша – тут такие тачки бросают!.. Идемте кто-нибудь со мной.

Пока Миша со Славой занимались имуществом, Женя поднялся в сторожку. Маленькая комната, освещенная лампочкой без абажура, из-за тепла и потрескивания дров в печи показалась удивительно уютной.

– Вон посуда, – хозяин указал на полку с «разнокалиберными» тарелками и пирамидами составленных друг в друга стаканов. При этом он обернулся, и Женя увидел, что сторож гораздо моложе, чем показалось на первый взгляд. Обманчивая внешность говорила, скорее, даже не о чрезмерном потреблении спиртного, а о потерянности и жизненной неустроенности, которые всегда старят человека.

– Одеяла брать будете? – предложил сторож.

– Зачем? Мы ж не спать приехали.

– Смотрите, – хозяин пожал плечами, – если надумаете, приходите, но до двенадцати, а то после я кобелей спускаю. Они такие звери – порвут.

– А закрываете их когда?

– В шесть. Как встаю, так и закрываю. Я их сам боюсь. Идемте, покажу апартамент.

После натопленной комнаты на улице показалось совсем холодно. А когда, пройдя по узкой тропинке, все вошли в огромное помещение, где в пионерские времена располагался целый отряд, Женя понял, что зря отказался от одеял.

– Ничего, надышим, накурим, – весело подмигнул Слава, изучая выцветшую стенгазету отряда «Атланты» за 1986 год.

– Курите аккуратно – не спалите, – предупредил хозяин.

– Не спалим, – Миша выставил бутылку, – давай, командир?

– А то нет? – хозяин потер стынувшие руки, – холодновато, конечно, хлопцы, но ничего не поделаешь. Приходите за одеялами, все теплее будет.

– А есть одеяла? – удивился Слава.

– Ладно, потом разберемся, – Миша торопливо наполнил стакан до верху и развернул пакет с салом, – бери, командир.

– Обойдемся, – хозяин поднял стакан и в наступившей тишине было слышно, как водка вливается к нему в горло. Ставя пустой стакан, хозяин лишь поморщился, – спокойной ночи, – уверенной для хромого походкой, он направился к выходу.

– Круто! – Слава с уважением посмотрел ему вслед, – я, пожалуй, так не смогу.

– Сейчас проверим, – Миша придирчиво осмотрел закуску, а Женя к тому времени успел подобрать среди сваленных в углу поломанных стульев три наиболее крепких.

Стол получился не слишком красивым, но, как заметил Слава, «калорийным»; особенно впечатляли шесть бутылок водки, тесной стайкой устроившиеся на полу.

– Вы как хотите, – Миша с опаской уселся на шаткий стул, – но я целый день слюнки глотаю. Один, самогон в де-

ревне трескал; другой, за обедом приложился для «сугреву», а я, как дурак, за рулем. Давайте начинать, мужики.

После первых двух тостов всем стало настолько весело, что поклевки и мормышки показались вовсе не тем поводом, ради которого они собрались. Главное, оказывается, отрешиться от всего, что окружало их в обыденной жизни, ведь та же рыбалка являлась ее неотъемлемой, запрограммированной на выходные частью. А сейчас сама обстановка комнаты, напоминавшей детство, и мутные граненые стаканы погружали в другой мир, где они переставали быть инженерами, фрезеровщиками и даже писателями. Впрочем, все это лишь минутная иллюзия, вызванная, то ли ударившим в голову алкоголем, то ли свойственной мужчинам жаждой приключений. Ничего необычного в этом лагере не было, а так хотелось...

– Жень, ну, расскажи, как ты сподобился книжку написать? – попросил Слава, – ведь всего этого нет. Как можно так правдоподобно придумывать?

Женя почувствовал, что ради этого момента стоило угробить полгода – наконец хоть кто-то признал, что он не такой, как все! Это ж совсем другое ощущение, нежели сидеть за компьютером равным среди равных!..

– Я, вообще, не понимаю, как пишут книги... – Миша засунул в рот целое яйцо и несколько секунд жевал; потом с усилием проглотив его, икнул, – вечером домой приходишь, так жена спрашивает, что нового. Вроде, и день про-

шел, и что-то делал, с кем-то общался, а как рассказать, не знаешь...

– Ну, рассказать-то можно, тем более, о себе. А тут придумать!.. – Слава многозначительно поднял палец, – да все так складно!.. Вот, Женька, скажи, откуда у тебя эти фантазии?

– Мне их диктуют! *Оно* происходит помимо меня, и я ничего не могу с этим поделать. Я обречен писать, иначе сойду с ума!.. – торжественно провозгласил он чужую высокопарную тираду, вычитанную в какой-то газете. Правда, он планировал использовать ее, например, в интервью, но, что делать, если кроме подвыпивших друзей, никто не интересуется его творчеством?.. К тому же, две пустые бутылки, уже стоявшие у двери (вроде, в очередь на выход), располагали к философии.

Собеседники замолчали, перестав жевать, а Женя закурил, довольный произведенным эффектом. В самом деле, не станет же он рассказывать, как по ночам вымучивает из себя «картинку», потом придумывает к ней текст, постоянно оглядываясь на воображаемого читателя, и как только на его ненавистном лице возникает скучающая мина, срочно наворачивает новый виток приключений. Подобный труд сродни ремесленнику, а не творцу.

– Когда я ложусь спать, – Женя внимательно наблюдал за собеседниками, – женский голос начинает рассказывать мне разные истории. Я не помню, как встаю, сажусь за стол – я только слышу голос. Иногда я даже спорю с ним, но он

всегда оказывается прав. В результате, я только успеваю записывать. Это идет свыше, поэтому то, что я пишу, видимо, происходит и на самом деле, только мы не всегда замечаем...

– Жень, по-моему у тебя «вольты играют», – остудил его пыл Миша и для убедительности покрутил пальцем у виска, – ты к психиатру не обращался?

– Не, ты слушай, – Слава нетвердо погрозил в пространство, – я читал о такой фигне – называется, психография. Человек пишет не задумываясь, причем, иногда не своим почерком или, вообще, на иностранном языке.

– Чего, правда? Это получается, типа, я могу вдруг начать писать по-китайски? – удивился Миша.

– Ты, скорее, по-рыбьи заговоришь, – засмеялся Слава, хлопая друга по плечу, – там же было и объяснение этого феномена – типа все от переутомления и бессонницы. Вроде, когда человек мало спит, он сначала разговаривает сам с собой, и, в конце концов, тот, второй голос, обретает самостоятельность; он бурбит всякие вещи, не связанные с твоей жизнью – как раз, типа, какого-нибудь романа.

– Я и говорю, – Миша снова покрутил у виска, – как можно разговаривать с самим собой и узнавать что-то новое? Бред!

– Может и бред, – согласился Слава, – но там этот второй голос назывался «эфирным двойником», то есть посредником между нашим и «тонким» миром...

– Хорош!.. – Миша нетвердой рукой поднял бутылку, –

дальше не надо. Лучше выпьем. Эта ахиня выше моего понимания. Давайте поговорим о бабах.

Выражение «эфирный двойник» натолкнуло Женю на интересную мысль, и чтоб не потерять ее, он решил очередную дозу пропустить.

– Мужики, – он взглянул на часы, – почти десять. Схожу за одеялами, а то вырубимся, и к утру, точно, околеем.

– Так, выпей сначала, – Миша протянул стакан.

– Я потом, – Женя поспешно встал, – я быстро.

Температура на улице мало отличалась от комнаты, лишь беззвездное небо заменило крашенный масляной краской тусклый потолок. Женя остановился на пороге и закурил. ... *Эфирный двойник... Может, Вовка, который был у меня – двойник настоящего Вовки Царева, который в это время сидел дома с женой?.. Господи, это ж совсем другой поворот сюжета!.. Зачем я столько выпил?.. Можно было б написать классную главу про двойника... Написать, прям, сейчас!.. Ладно, напишу завтра – главное, не забыть...*

Мысли в голове путались, но сам мистический настрой становился все четче. Уже не хотелось, ни водки, ни рыбалки, а лишь вернуться к столу с кипой бумаги. Ведь до завтра, если все и не забудется, то наверняка потеряется острота восприятия. Он зло выбросил сигарету и стараясь не оступить в сугроб, пошатываясь побрел по тропинке.

До сторожки оставалось метров тридцать, когда свет фар остановил его, будто ткнув кулаком в лоб. Фары находились

за воротами, освещая территорию лагеря, враз наполнившегося причудливыми тенями. Хлопнула дверца, но Женя не видел, кто вышел из машины.

– Это вы? – раздался голос сторожа.

– Я, – откликнулась, как ни странно, женщина, – а чья «четверка»?

– Я тут еще постояльцев пустил, но они на одну ночь. Вы не пугайтесь, там водки!.. Они вырубятся через пару часов.

– Я и не пугаюсь, – женщина рассмеялась, – пусть живут.

Разговаривали они громко, и Женя отчетливо различал интонации. Особенно его возмутило, с каким пренебрежением незнакомка произнесла «пусть живут». *...И еще, значит, мы похожи на тех, кто сразу вырубается и больше нам ничего не нужно?.. Хотя, возможно, так и будет...*

Ворота распахнулись, и свет фар, качнувшись, стал приближаться. Женя даже не подумал о том, что стоит посреди дороги, пока машина не остановилась в метре от него, недовольно урча и вздрагивая.

– С дороги-то уйди! – крикнула женщина, опустив стекло.

...Какой у нее голос... Нет, я не мог слышать его раньше...

– Слышь, рыбак! Ты что, автомобиль никогда не видел? – женщина высунулась из окна.

Женя отступил, и машина, скрипя снегом, медленно проползла мимо, едва не наехав ему на ногу. Стекло в салоне оставалось опущенным. Копна пышных волос сделала ассо-

циации еще более конкретными. Глядя на удаляющиеся стоповые фонари, Женя наконец восстановил в памяти лицо. В тот же миг сюжет нового романа, словно младенец до этого барахтавшийся в отходящих водах, обрел силу, поднялся на дыбы, грозя скинуть автора с его неясными идеями и переживаниями. ...*Конечно, в «Колесе фортуны» я встретил не ее – ей там нечего делать... но для меня – это она!.. Какой шикарный поворот сюжета!.. Черт, как же соединить все это вместе?..*

Машина остановилась; погасли фары; хлопнула дверца; потом скрип снега, звук открываемого замка и наконец в окне вспыхнул свет. Возникшая преграда в виде тонкой деревянной стены прервала воздействие на воображение, и Женя вспомнил, куда направлялся. Быстро дошел до сторожки, поднялся на крыльцо и постучал.

– Входите! Не заперто!

Женя приоткрыл дверь. Хозяин лежал на старом засаленном диване, подсунув руки под голову. Напротив светился крохотный экран черно-белого телевизора. Его холодное мерцание, в котором отсутствовала привычная цветовая гамма, отодвигало время на несколько десятилетий назад. Женя очень ясно представил, что находится не просто в чужой комнате, а в чужом мире и даже запах табака был совершенно другим. Мельком взглянул на стол и увидел длинные белые мундштуки папирос. ...*Конечно, что ж тогда еще курили, кроме «Беломора»?..*

– Замерзли? – повернув голову, хозяин усмехнулся, – говорил – сразу надо было одеяла брать, – он дохромал до стола и неожиданно достал бутылку, заткнутую пробкой от шампанского, – выпить хочешь? – не дожидаясь ответа, снял с полки стаканы.

– Да я... – Женя чувствовал, что от жары «плывет» и пить ему не стоит, но хозяин уже невозмутимо булькал мутноватой жидкостью, наполнявшей комнату противным сивушным духом.

– Бери, – хозяин достал половинку луковицы и сдвиг с нее крошки, положил на стол.

То ли боясь, что в случае отказа ему не дадут одеяла, то ли по какой-то другой причине, Женя покорно поднял стакан, кивнул с пьяным пониманием всех мировых проблем, и выпил. Задержал дыхание, чтоб мерзкая жидкость не рванулась обратно, увлекая за собой, и колбасу, и курицу, и все остальное, что он успел съесть сегодня, но организм с задачей справился – лишь из глаз выкатились две слезинки, да дыхание сделалось частым, как после длительного бега.

– Молодец, – хозяин лихо стукнул пустым стаканом – со стороны могло показаться, что сам он пил обычную воду.

– Мне б одеяла... – выдавил Женя, боясь как бы хозяин не заставил его пить снова.

– Сейчас, – тот вышел в другую комнату и вернулся со стопкой тонких шерстяных одеял, какие обычно бывают в поездах, – бери больше, а то по одному мало будет. Только

с собой не увезите, мне за них отчитываться.

– Что вы, не увезем!.. Спасибо, – Жене хотелось спросить о женщине в машине, но взгляд хозяина красноречиво вернулся к бутылке. Женя представил, как открывается пробка, и этот запах!.. Его чуть не вывернуло от одной мысли. Еще раз пробормотав слова благодарности, он выскочил за дверь. Остановился, вдыхая чистый морозный воздух. Если б еще не мерзкая отрыжка, состояние даже можно было б признать удовлетворительным. ...*Надо немного прогуляться*, – решил Женя, – *если с ходу накачу еще водки, то умру. А пить придется, иначе народ не поймет...*

Он спустился с крыльца, стараясь дышать как можно глубже, и неуверенно побрел в темноту. На повороте остановился. Голова невольно повернулась вправо к одиноко светящемуся окну, под которым темным пятном выступал силуэт автомобиля. Учитывая, что дорог было всего две, а возвращаться к ребятам пока не хотелось, выбирать направление не пришлось – да и к чему усложнять задачу выбором, если главное, всего лишь продышаться после этого ужасного напитка.

Старый коричневый «Опель Рекорд», не являвшийся в Женином понимании «женским» автомобилем, стоял практически уткнувшись радиатором в стену. Его задние номера оказались залеплены снегом, но это не имело никакого значения. ...*Я ведь просто гуляю*, — подумал Женя, – *тупо дышу воздухом. Я не собираюсь ни с кем знакомиться. Ту,*

что будет фигурировать в моем романе, я знаю. Я видел ее и дальше додумаю сам, а эта баба в «Опеле» мне абсолютно неинтересна... – он остановился возле окна. Чтоб заглянуть в него не требовалось даже подниматься на цыпочки – достаточно было лишь повернуть голову, – *и что я там забыл? Я не хочу туда смотреть!..* – Женя закрыл глаза, и все вокруг закачалось, словно до этого зрение давало ему дополнительную точку опоры.

Чтоб не упасть, он невольно схватился за крыло машины, и тут же вой сигнализации разорвал тишину. Сами собой вспыхнули фары. Жене показалось, что сейчас взревет двигатель и машина начнет охоту на глупца, посмевшегося нарушить ее покой. Не глядя, он сделал шаг назад и споткнувшись, очутился в сугробе ...*Как замечательно сидеть не двигаясь, отрешившись от всего, и черт с ним, пусть давит... А если еще закрыть глаза...*

Дверь домика распахнулась, и опять Женя не смог разглядеть лица на фоне ярко освещенного проема.

– Что вы здесь делаете? – спросил уже знакомый резковатый голос и не дав ответить, закончил фразу, – заходите.

Женя понимал, что выглядит глупо, но подниматься не было, ни сил, ни желания, и он отрицательно мотнул головой.

– Заходите, – повторила женщина, – сейчас он спустит собак.

В подтверждение ее слов возле сторожки послышался лай.

Хотя он тут же смолк, Женя увидел три черных «снаряда», несущихся прямо на него. Блаженная расслабленность мигом улетучилась. Он сам удивился быстроте своей реакции, но когда до животных оставалось несколько шагов, успел влететь в дом и захлопнуть дверь. Снаружи осталось злобное рычание и скрип снега – видимо, собаки были тяжелыми, почти как человек. ...*Зачем я попал сюда? Я должен быть совсем в другом месте... меня там ждут. Ребята замерзают и клянут меня всеми словами...* – он все еще крепко сжимал в руках одеяла, – *зачем я связался с ними?..* – не задумываясь, швырнул их на пол.

– Теперь до утра не выйдешь, – рассмеялась хозяйка, – ну, гостем будешь – сам напросился.

Женя тяжело поднял глаза. Ее лицо находилось так близко, что он не мог ошибиться, даже несмотря на алкогольный туман, застилавший сознание – то, что казалось лишь частью сюжета, оказывается, происходило на самом деле. Перед ним стояла девушка, которую он встретил в «Колесе Фортуны». Женя подумал, что еще секунда и голова его лопнет, а мозги разлетятся, пачкая стены грязными подтеками...

– Пойдем. Я ждала тебя, рыбак.

Женя повернулся к двери, но, словно угадав его желание, оттуда донесся отрывистый лай. ...*Черт, как быстро пролетело два часа!.. Теперь мне к мужикам не попасть... ничего, не замерзнут – у них море водяры... Но как эта подруга попала сюда?.. Что со мной происходит?.. Неужто это ре-*

ально затягивает?.. Бред какой-то...

Перешагнув через одеяла, Женя вошел в комнату, оказавшуюся гораздо меньше их «барака». О том, чем она являлась раньше, говорил сохранившийся фанерный щит с серыми пенопластовыми буквами «Уголок вожатого». Еще тут имелась настоящая кровать, тумбочка, занятая будильником и маленьким магнитофоном, а на столе, исцарапанном, похоже, еще пионерами, лежала толстая черная книга; рядом, несмотря на наличие электричества, горели свечи.

... Черная книга и свечи... Что-то мне все это напоминает, – Женя остановил блуждающий взгляд на хозяйке.

– Вы извините, что так получилось... – пробормотал он, – если как-нибудь можно...

– Никак нельзя! – оборвала девушка уверенно, но совсем не зло, – я ж говорю, что ждала тебя. Раздевайся. У меня тепло, – она улыбнулась, – целых два обогревателя.

– Но меня ждут. Понимаете, эти одеяла...

– Не волнуйся. Твои друзья – люди закаленные.

Женя вдруг осознал, что за все время так и не разглядел хозяйку целиком. Кроме лица, которое запомнилось еще в «Колесе Фортуны», его взгляд не мог сосредоточиться ни на чем. Вроде, была это не женщина с грудью и ногами, на которые он всегда обращал внимание, а нечто... именно, нечто!.. способное существовать только в дрянном фантастическом романе.

– Садись, – хозяйка указала на кровать, – и спрашивай.

Что ты желаешь узнать?

– Я?.. А что я?.. – Женя растерялся. Вопросов было множество, но он никак не мог сосредоточиться.

– Хорошо, – хозяйка опустилась на единственный стул, – тогда я тебе расскажу легенду. Честное слово, это интересно...

– Легенду?!..

– Ну да. Я, как Шахерезада. Должна же я развлекать гостя? Кстати, выпить хочешь?

– Нет-нет! – Женя поспешно загородился рукой.

– Не бойся, это безалкогольное, – она протянула плоскую фляжку, какими торговали возле центрального рынка.

Женя неуверенно сделал глоток; потом второй – чуть побольше. Напиток оказался терпким, но приятным, изгоняющим изо рта вкус самогона, а, главное, просветляющим голову...

*

Дверь открылась в очередной раз. Настя хотела незаметно выглянуть в коридор, чтоб определить, сколько еще осталось посетителей, но вошедшая женщина загородила проем. Глядя на нее, Настя попыталась догадаться с какой проблемой та пришла, но «провидческого дара», как всегда, не хватило. Она видела лишь озабоченное, хотя и приятное лицо, по которому не скажешь, что его обладательница верит в магию.

Скорее, ее место в магазине с недорогой, но «раскрученной» косметикой.

– Мать Анастасия... – произнесла женщина.

От такого обращения Насте всегда делалось стыдно, но Андрей считал, что для соблюдения субординации оно должно быть, именно, таким. Что ж, ему видней, как лучше обставить деятельность «предприятия».

– Присаживайся. Я тебя слушаю.

Настя долго училась, не краснея, обращаться к незнакомым людям на «ты», но со временем привыкла. Андрей говорил, надо, мол, подчеркивать свое более высокое положение. Если люди почувствуют, что для нее существуют какие-то естественные нормы, определяемые возрастом или социальным статусом, то перестанут уважать в ней носительницу сверхъестественного дара. («Все тлен по сравнению с твоим знанием, а значит, они не более, чем *ты!*» – поучал он).

– Может быть, мой вопрос покажется мелким, но он не даст покоя моей дочери, – женщина прикрыла дверь и осторожно опустилась на стул, – ей семнадцать лет. Девочка веселая, общительная, умная. В школе у нее много друзей. Пишет стихи, играет на пианино. Но есть у них в классе девочка, которая во всем ей завидует и распускает всякие грязные слухи. Сами понимаете, что можно придумать в таком возрасте, а Катя принимает это слишком близко к сердцу – нервничает, плачет, становится какой-то запуганной. Я все время убеждала ее, что не надо обращать внимания, ведь это

последний год. Закончит школу и все забудется, а теперь выясняется, что та девочка собирается поступать в тот же вуз, что и моя Катя. Представляете, если травля будет продолжаться?.. Так вот, нельзя ли как-нибудь заткнуть эту дрянь?..

Словосочетание «заткнуть дрянь» казалось настолько инородным в общей конструкции рассказа, что Настя даже мотнула головой, проверяя, не ослышалась ли. Но женщина, видимо, приняла ее движение за отказ.

– Пожалуйста, – произнесла она жалобно, – пожалейте мою девочку. Она такая славная, а тут эта...

Настя прищурилась, пристально глядя в глаза собеседнице. Она всегда так делала, придумывая очередное «колдовство». С одной стороны, это являлось как бы защитным рефлексом, потому что ей было жаль людей, обращавшихся к ней за помощью; но, с другой, в душе жила и робкая надежда, которая в эти мгновения успевала одержать победу над раскаянием – если когда-то ей удалось поднять над землей Оксанку Симоненко, значит, все-таки есть в ней сверхъестественная сила! Она может снова проснуться и помочь, именно, этому человеку – надо только верить!

– Я помогу тебе, – ответила она серьезно.

Ритуал, способный «заткнуть эту дрянь», уже сложился в голове. Он был простым и наивным, но Настя не раз убеждалась, чем примитивнее все выглядит, тем сильнее люди верят в некое древнее таинство, пришедшее из времен, когда не существовало, ни телевидения, ни газет с их заумными

объяснениями явлений.

– Что я должна сделать? – с готовностью спросила женщина.

– В субботу, желательно совпадающую с полнолунием – это усилит действие заклятия, – таинственно прошептала Настя, – возьми кусок плотной красной ткани, вырежи из нее полоску, по форме напоминающую длинный язык и черными шелковыми нитками вышей на нем имя завистницы. При каждом стежке повторяй: «Шью-зашиваю твой лживый язык, чтоб больше никому не вредил...»

– Можно я запишу? – спросила женщина.

– Нет. Ты должна все запомнить, – Настя строго погрозила пальцем, – приговаривая «Созданное тобой, заberi с собой», обрежешь нить ножницами. Ленту завяжешь двойным узлом с приговором: «Пусть мир будет светел, защити меня от сплетен». Потом ленту положишь в банку, плотно закроешь крышкой с приговором: «Запираю злой язык на замок». Банку спрячешь, и больше она никогда не скажет ничего худого о твоей дочери.

– Но я не запомнила «приговоров», – растерялась женщина.

– Я не повторяю дважды. Иди домой, и если захочешь помочь своему ребенку, то все вспомнишь, – Настя отвернулась к окну, показывая, что сеанс окончен.

Такая тактика нагромождения множества действий и наговоров, которые человек не успеваеет запомнить с одного ра-

за, всегда давали возможность объяснить неудачу несоблюдением точности обряда. Да, как правило, люди и сами понимали, что могли ошибиться и чтоб не выглядеть глупо, во второй раз уже не приходили. Эту методику тоже придумал Андрей.

Не решившись просить снова, женщина скромно поблагодарила и вышла, скорее, расстроенная, чем обнадеженная. Дверь за ней еще не успела закрыться, как в проеме возникла молодая особа в шикарной пушистой шубке. Распушенные волосы образовывали роскошную рыжую гриву, отчего лицо казалось бледным и поглощалось яркими губами и огромными зеленоватыми глазами. Настя всегда завидовала подобной внешности – такие экземпляры на улице встречались редко, а в основном улыбались с обложек и рекламных щитов, ассоциируясь с сексуальностью и беззаботной роскошью.

– Кайфово, – посетительница оглядела комнату, – значит, мать Анастасия... – при этом она чуть не прыснула со смеху, отведя взгляд от серьезного Настиного лица, – прости...

– Ничего, – Настя представила себя на ее месте и решила, что, пожалуй, тоже позволила бы себе рассмеяться от несоответствия, так сказать, формы и содержания. ...«Сестра Анастасия» звучало бы более демократично, – решила Настя, – надо предложить Андрею...

– Присаживайся. Что тебя беспокоит? – по привычке сказала Настя. Ей хотелось поскорее перейти к делу, чтоб

не сравнивать себя с гостьей.

– Допустим, меня обокрали, – потрясающие губы чуть приоткрылись и снова сомкнулись. Видимо, она ожидала ответной реакции, но Настя продолжала не мигая смотреть в ее глаза, не выразившие никакого сожаления по поводу утраты.

Вообще-то Насте приходилось участвовать и не в таких расследованиях. Однажды к ней даже обращалась милиция с просьбой отыскать пропавшего человека. Правда, после того, как она ошиблась трижды, а сыщики вынуждены были буквально перепахать несколько гектар, пришлось быстренько покинуть приятный, гостеприимный Луганск...

– Дело в том, – посетительница устроилась поудобнее, – что я не хочу обращаться в милицию. Мне не столько дорого украденное, сколько необходимо знать, кто это сделал... Вот, смотри, с момента, как я последний раз видела вещь, в квартире побывало четыре человека, – она начала загибать пальцы, – брат, лучшая подруга, муж и любовник. Понимаешь, какая пикантная ситуация? Мать Анастасия, не могла бы ты указать мне вора?

Насте не пришлось даже напрягаться, привычно щуря глаза – как у хорошего шахматиста в арсенале имеются десятки отработанных дебютов, так и у нее существовали стандартные формулы, которые она выдавала практически не задумываясь.

– Перед сном, – начала она без предисловий, – зажги новую белую свечу и поддержи над пламенем нож с деревянной

ручкой, пока он не раскалится. В это время приговаривай: «Этой ночью темною, ночью безлунною, когда только бесы, да лихие люди бродят по земле, приди вор за „своей“ вещью и покажи мне, где она лежит». Потом опишешь вещь, которую у тебя украли максимально подробно, чтоб ее нельзя было спутать ни с какой другой. Нож остудишь в холодной воде и положишь под подушку. После обряда ни с кем не разговаривай и ложись спать. Ночью тебе вор и приснится.

– Не, прикольно, конечно, – губы гостьи сложились в очаровательную улыбку, а лицо сделалось по-детски наивным, – не, ты прикинь, как это будет выглядеть.

– И что? – не поняла Настя. «Заговор» был почерпнут из какого-то пособия и никто пока не предъявлял к нему претензий.

– А то, – гостья придвинулась ближе и заговорила, как со старой подругой, покачивая пальцем перед ее носом, – муж приходит с работы, а я тут нож над свечой грею. Он спрашивает, типа, зачем, а я молча, ничего не объясняя, кладу нож под подушку и ложусь спать. Угадай с трех раз, что он подумает? Тем более, кажется, он догадывается о любовнице. Да он меня, либо в ментовку, либо в психушку упечет!.. – гостья рассмеялась, – мать, у тебя попроще вариантов не наклевывается?

Настя и сама невольно улыбнулась. *...Блин, а, правда, как же выкручивались другие, и что думали их мужья?..* Сознание принялось рисовать продолжения, от самых забав-

ных до самых трагических, но никак не желало возвращаться к работе.

– Есть другие, – попыталась исправить положение Настя, – но это самый верный.

– Жаль, – гостья поднялась, – триста рублей, конечно, не деньги, так что ругаться мы не будем, но, похоже, придется идти в другое место... кстати, тебе б не мешало подучиться у нормального мастера, а то с фантазией у тебя бедновато. Берет он, естественно, дороже, но там реально стопроцентная гарантия.

– И что за мастер? – от такой неслыханной наглости Настя даже выпучила глаза.

– Есть магический салон «Колесо Фортуны», а мастера зовут – господин Виталий; он настоящий колдун. Да ты не расстраивайся, мама Настя, – добавила она совсем по-дружески.

Настя вскинула голову, словно на нее вдруг брызнули холодной водой.

– А что? – гостья улыбнулась, – зачем эти условности, если все равно ты не можешь мне помочь... хотя... слушай, для тебя дело тоже найдется, если ты согласишься. У тебя тут курят?

– Вообще-то нет...

– Да брось ты, – гостья выложила длинную розовую пачку.

Насте она показалась такой соблазнительной, что несмотря на строгое правило не курить во время приема, рука сама потянулась к столу.

– Проветрим, ничего страшного, – поднявшись, гостья распахнула форточку и осталась у окна, картинно выпуская тонкие струйки дыма.

Настя тоже закурила, совсем не чувствуя табачного прикуса. По сравнению с ее «Virginia light» сигареты казались истинным благовонием.

– Дело в том, Насть, – продолжала гостья, – я знакома с господином Виталием, а пришла к тебе, потому что не хочу посвящать его в подробности своей личной жизни – назовем это так. Так вот, может, ты сходишь к нему и выдашь мою историю за свою? Скажешь, у тебя пропал перстень с зеленым камнем. Замечательная, тонкая работа. Древний Египет. Ему без малого четыре тысячи лет.

– Сколько лет?!.. – ужаснулась Настя.

– А что такого? Допустим, он достался мне по наследству.

– И ты просто хранила такую вещь дома?

– Дура значит, – гостья пожала плечами, – но дело не в этом. Конечно, Виталий может понять, что ты врешь, но вдруг подскажет что-нибудь ценное? А выгонит, так что? Денег он при этом не возьмет... в отличие от некоторых, – она сделала паузу, – он берет деньги только за конкретно выполненный заказ.

В голове у Насти все перепуталось, но самого главного – своей связи с перстнем, которому четыре тысячи лет, она так и не могла уловить. ...*Хоть бы посмотреть на такую диковину!.. Такого, небось, ни в одном музее нет...*

– И что я должна буду увидеть во сне, если никого из твоих знакомых не знаю? – Настя произвольно включилась в игру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.